

Виктория Лернер

ЗАПИСАНО НА ОБЛАКАХ

Израиль - Ашдод - 2017

Виктория Лернер. Записано на облаках. – Ашдод. Изд-во журнала «Начало», 2017. – 156 с.

От автора

Война продолжает жить во мне, она никуда не делась и не кончается. Сейчас я старше всех в нашей бывшей большой семье. Помню сама или из рассказов родителей то, что уже никто не знает и не помнит. Поэтому решила написать об этом, надеясь на то, что кому-то это будет интересно. Эту книжечку я посвящаю тем из нашей семьи, кого уже нет рядом. В первую очередь – моим родителям.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек жив, пока его помнят. Многие из тех, о ком тут написано, уже покинули наш мир. Но мне очень хочется, чтобы о них вспомнили.

В моей семье теперь я самая старшая, но и я не вечна. Пока я помню, напишу о тех, кто оставил след в моей жизни.

У Евгения Евтушенко есть замечательное стихотворение. Привожу из него отрывок:

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы как истории планет...
Таков закон безжалостной игры.
Не люди умирают, а миры.
Людей мы помним, грешных и земных.
А что мы знали, в сущности, о них?..

*(Е.Евтушенко. Нежность.
Новые стихи. М, 1962)*

СЛУЧАЙ В КОМАНДИРОВКЕ

Когда Ефима послали в командировку в Тулу, он сначала завёз Беллу с детьми на вокзал. Командировка была на Ново-Тульский завод, на 3-4 дня, а у Беллы начинался отпуск. Редкий случай – можно провести этот отпуск вместе с семьёй.

От Москвы до Тулы 180 км. Ефим взял билет на раннее утро, чтобы после обеда быть на месте. В Туле нужно было пересесть на автобус до завода.

Конечно, поезд вышел на час позже, что для 1961 года было обычным. Конечно, по дороге пару раз застревали на каких-то разъездах, подолгу стояли на станциях. К вагонам бросались бабки с кошёлками яблок и пирожков. Ефим не подумал заранее о еде в дорогу, а командировочные боялись тратить без чеков – денег было мало, и дай Бог, чтобы хватило. Никогда он не умел рассчитывать деньги.

В конце концов, в Тулу поезд пришёл с трёхчасовым опозданием, стоянка была три минуты – он еле успел выскочить вслед за теткой с многочисленными мешками. На вокзале выяснилось, что до завода нужно добираться не одним, а двумя автобусами. Хорошо, что его чемоданчик был не тяжёлым – бумаги по заданию, смена белья, зубная щётка, мыло, бритва.

Во время войны Ефим служил в тыловой части каптенармусом – выдавал обмундирование частям, выведенным с передовой на недолгий отдых. Зрение у него с детства было неважное, а к началу войны уже было минус восемь на обоих глазах, да ещё с

астигматизмом. Его очки с очень толстыми стёклами делали его светло-голубые глаза почти бесцветными. В темноте совсем ничего не видел, вечером старался даже из дома не выходить. Поэтому и сегодня надо было добраться засветло.

Эта командировка была случайной: заболел инженер по сбыту, который должен был ехать, и с их урезанными кадрами просто больше некого было послать.

Ефим чувствовал себя неуверенно. Он подошёл к автостанции, заглянул в окошко справочного бюро:

– Скажите, как проехать на Косую гору, на Ново-Тульский завод?

– Это вам с другой автостанции надо. Да и прямо до завода не доедете, там ещё пересадка будет.

Ефима потянули за рукав. Он обернулся. Невысокий худощавый человек с маленькими, очень светлыми глазами, подвыпивший и небритый, не отпустил рукав и решительно тянул его от окошка:

– Она тебе ничего не объяснит. Идём, я отведу, – и уверенно пошёл в другую сторону. – Там завод.

– Да нет же, – запротестовал Ефим. – Я знаю...

– Я точнее тебя знаю. Это тебя на старый завод завезут, а тебе надо на новый. Идём, я покажу.

Голодный весь день, зверски усталый, Ефим с трудом передвигал ноги. Вечером, в незнакомом городе, он растерялся. Почти ничего не видя, плёлся за провожаемым.

– Я, пожалуй, утром на завод поеду, – сказал он небритому. – Покажите мне, где гостиница, пожалуйста, поздно уже.

Тот хмыкнул. Завернул за угол. Двухэтажная деревянная гостиница светилась всеми окнами. Ефим зашёл, провожатый остался на улице. Ефим задал

банальный вопрос о свободном номере, показал командировочное удостоверение. Даже не посмотрев на него, рыхлая пожилая дама кивнула на табличку «Мест нет». Тоже банально.

Провожатый на крыльце поднялся с корточек и выбросил окурок.

– Так я и знал. Тут никогда мест нет. Идём, устрою. Только зайдём в гастроном, туда с пустыми руками не сунешься.

В гастрономе, купив бутылку водки и батон хлеба, Ефим только успел заметить движение руки своего провожатого. К ним сразу подошли ещё двое. Его просто «передали из рук в руки». Один из этих двоих, высокий красивый парень, прямо подошёл к нему. Из-под козырька кепки нахально торчал буйный чуб, очень уж вызывающе торчал.

– Переночуешь у меня, сейчас нигде ничего не найдёшь.

Ефим потом рассказывал:

– Поверишь, я был такой вымотанный и голодный, настолько без сил, отупевший даже. Думаю, даже если бы он вынул нож из кармана, я бы и не пошевелился. Мне одного хотелось: лечь тут же, у магазина, на землю и заснуть. Я только спросил:

– А где ты живёшь?

– Тут недалеко, возле элеватора.

– Хорошо, пойдём.

И мы пошли. Я засыпал на ходу. Вы знаете мои глаза, и стёкла очков очень толстые, и в темноте я вообще не вижу. Поэтому я далеко не сразу заметил, что город закончился, и мы идём прямо по степи. Кругом пусто, темно и тихо, только я да Николай этот шелестим по траве. Вот тут мне стало по-настоящему страшно.

Скоро показался элеватор – тёмная громада. Не знаю, был ли он освещён, я не видел. Через несколько минут впереди показались бараки, с десяток их беспорядочно стояли близко друг от друга – не в ряд, а как попало. В один из них мы и зашли.

В узком, длинном, плохо освещённом коридоре тощий старик варил на керосинке какую-то вонючую дрянь. В конце коридора курили несколько человек.

Николай отпер дверь. Его комнатуха была совсем крошечная. У одной стены узкая кровать, у другой – ничем не застеленная деревянная кушетка, между ними громоздкий стол с парой стульев. К двери прибиты вешалки с какой-то одеждой, а шкафа вообще нет.

Николай предложил выпить. Я сначала отказывался, потом махнул рукой и выпил. Поискал глазами закуску. Выбора не было: селёдка, пара холодных картофелин да хлеб, который я принёс. Я съел одну картофелину – первую еду после очень раннего завтрака. Водка тут же бросилась в голову, нельзя было натошак. Я подумал, что если ещё выпью, меня вырвет. Я сказал, что очень хочу спать.

– Ложись, – кивнул Николай на кушетку. Он смотрел на меня блестящими насмешливыми глазами. Я боялся снять брюки: в карманах – паспорт, партбилет и деньги. Он видел моё замешательство.

– Боишься? – хмыкнул он. – Можешь спрятать их под подушку, – и бросил мне потёртую диванную подушечку.

Я усмехнулся про себя: как будто он из-под подушки не вытащит! Деваться некуда. Я аккуратно сложил брюки на стуле. Проснувшись утром, я не застал Николая. Бросился к брюкам – все было на месте. В коридоре мне кивнул давешний тощий старик.

– Николай оставил тебе картошечки, можешь съесть, – проскрипел он. – Не бойся. Он тебя пожалел, слепандя несчастная. Даже странно.

У него были колючие глаза. Он сплюнул.

От места ночлега до Ново-Тулльского завода Ефим дошёл пешком за час, напрямик через поле и рощу.

Как ни странно, командировка прошла удачно, без накладок. Уже упаковывая в чемодан подписанные документы, в номере заводской гостиницы, Ефим подумал, что если бы он сунул брюки под подушку, Николай просто прирезал бы его. А так он усталое безразличие приписал доверию.

ВПЕРВЫЕ НА КАВКАЗЕ

14 сентября 1964 г.

Закон туризма – НЕ НЫТЬ. Так сказал наш старший инструктор Сергей Иванович. Завтра с утра он с нами будет заниматься. Вечером уйдём в тренировочный поход. Потом он с нами пойдёт к морю. Сегодня бегали по горам. Хотя это только предгорья Кавказа – но метров 400-500 уже есть. Ноги у меня не болят, и холодная Псекупс не страшная. Но на краю обрыва – метров 100 глубиной – кружится голова. Не могу оторвать ногу от земли. Плохо. Что будет завтра...

15 сентября

Продолжаю – посмотрим. Утро замечательное, холодно-солнечное. Сделала зарядку – вот достижение! Рассказать кому-нибудь – вот наржуются! Но это чепуха. Главное, бегать заставляет много, совсем задохнулась.

16 сентября

Вернулись. Довольна. Группа у нас дружная и весёлая, инструктор тоже весёлый. Не заскучаешь.

Сначала шли в гору, потом вниз, потом опять вверх. По морям, по волнам. Природа изумительная, горы величественны и покрыты каракулем леса. По тропинке идёшь, а папоротники лезут в лицо, щёлкают по затылку. Как в доисторическом лесу.

– Смотрите, какая полянка! Самое лучшее место, – сказал наш инструктор.

– Конечно, – заметил глазастый Володя. – Вон и кострище от предыдущей группы. Значит, тут все и останавливаются.

– Опытный, – засмеялся Сергей. – Тогда, дорогие ишаки, сбрасываем вьюки и работаем: трое за дровами, остальные ставят палатки. Сейчас покажу, как это делается. Девочки займутся ужином.

Продукты несли с собой, котелки, кружки, вёдра – на каждого пришлось 12-15 кг. Говорят, что это немного. Кроме прочего, взяли водку – вечера и ночи в горах холодные. Я решила выпить полстакана водки, и боялась встать. В голову не ударила, значит, ударит в ноги. А тут ещё девчонки из предыдущих групп говорили, что Сергей водит всех ночью в Богатырские пещеры, и я обещала, что пойду. Теперь ни за что бы не смогла отказаться. Пьяная я была, что называется, в стельку. Но ужин проходил весело, дурачились, пели.

Я забыла сказать, что оказалась в роли запевалы. Всем понравилось, что я знаю много песен и охотно пою. Это пошло ещё с того дня, когда мы переезжали из Краснодара в Горячий Ключ.

Уже было часов десять, и совсем темно, хоть глаз выколи, когда Сергей крикнул:

– Все желающие на прогулку – за мной.

Карманный фонарик не работал, я его тихонько послала к чёрту и пошла – совершенно слепая в темноте. Хорошо, что наши мальчишки не дают отставать. Изя всё время не выпускал моей руки, а то бы давно сорвалась.

В самой пещере мы стояли на четвереньках, и то стукались головой о свод. Луч фонарика так причудливо плясал между нами, что мы сами себе казались какими-то монстрами. Кто-то из мальчиков даже взвыл

по-волчьи, мы дружно взвизгнули, потом долго хохотали. Когда шли обратно, меня так качало, что я цеплялась всеми руками и ногами, и пятой точкой тоже. Приходим – а у костра сплошные песни и хохот. Ну как тут идти спать, хоть и глаза слипаются! Ну и сидели на брёвнах в обнимку. Заползли в палатки, рюкзаки под голову – и где только берутся такие огромные – закутались в одеяла и спать! Ну и ночка! Конечно, никто не спал. Все мёрзли. А я – нет, я так замоталась, что не шевельнуться. Ворочались, остри-ли, только под утро немного вздремнули.

Богатырские пещеры. 16.9.1964

Вылезла я из палатки часов в шесть. Лес стоял в тумане по пояс, горы вокруг голубые и дымятся, деревья потрескивают и сбрасывают крупную ледяную росу с листвы. Красиво! Костёр почти потух, еле-еле дымится, белая зола летает над ним лениво и невесомо. Дрова закончились, и костровой уполз спать в палатку.

Речка голубая и тоже дымится. Кстати, Псекупс в переводе с адыгейского – голубая вода. Было страшно подойти к воде, такая холодная она казалась с виду. Но неожиданно она оказалась тёплой. Мы посмотрели, почему так получается, оказалось – совсем рядом тёплый источник. Здесь их неисчислимо множество – холодных, тёплых, горячих, сероводородных, минеральных. Попробовали на вкус – отвратительно. Больше одного глотка не сделаешь. А здешние больные пьют стаканами, да ещё в ваннах купаются, несчастные.

После завтрака Сергей опять потащил нас к тем Богатырским пещерам. На этот раз я увидела, куда карабкалась ночью, и мне стало страшно. Из первой пещеры по узенькой террасе – еле нога уместается – прижимаясь к скале, перешли во вторую. Эта была ещё хуже. Число синяков утроилось. Выход из второй пещеры был только вверх, вертикальный колодец восьми метров высотой. Лезли по верёвке. Вид оттуда неповторимый. Дальше карабкались по крутизне градусов сорок. Мне казалось – километра три, Юля сказала – пять, её поддержали все. Сергей потом поправил – 800 метров. Вертикально вверх это около 300 м. Вниз шли уже другой дорогой, было много грибов и два блиндажа военного времени. Еле-еле успели к обеду. Времени оставалось мало, меньше полутора часов, но Сергей признаёт только точность.

– Хотя без четверти четыре выйдем, а на турбазе будем в четыре.

Шуточки! Идти-то ровно полтора часа! Но мы сократили путь, да и рюкзаки стали полегче – исчезла картошка, тушёнка и крупы. Так что мы выгадали минут 15 и ещё успели передохнуть на берегу Псекупса.

Интересная речка этот Псекупс! Грузовики и автобусы с пассажирами бесцеремонно переезжают с берега на берег без всяких мостов, и мы по сто раз в день переправляемся в город и обратно – по камешкам. В любом месте не глубже, чем по шею, совсем как наша Орель. Но наша речка равнинная, а эта очень красива, образует много миниатюрных водопадов и порогов высотой 20-30 см. Кавказ – хоть и в миниатюре!

17 сентября

Сегодня день отдыха. Купались в ледяной воде нашей речки, поджаривались на солнце, читали, дулись в «кинга». А в 4 часа принимали группу, которая пришла из такого же тренировочного похода. Это целая церемония, идёт по заведенному ритуалу, и всякие отклонения допускаются только в группах Сергея, он любит хохмы.

Сегодня утром провожали группу из Челябинска, пожелали легкого подъёма. Послезавтра уходим мы – Украина. Нас провожать не будут, мы замыкающие. Мы закроем перевал и отнесём ключ от него на Чёрное море, в станицу Архипо-Осиповка. Скорей бы!

18 сентября

Впервые видела, как вершина горы «плавает» в

небе. Туман поднимается не клочьями, а сплошной пеленой, густым непроницаемым облаком. Вершина Котха как бы отделилась от земли и плыла в чисто-синем холодном небе. Неповторимо!

19 сентября

Вчерашний переход 19 км. Места, разумеется, изумительной красоты – много дуба, граба и буков, и платанов. Остановились на днёвку в глубоком холодном ущелье с ручьём. Это самое главное – чтобы вода была рядом. Потом ходили втроём (Сергей, Гена и я) за кислицами и кизилом на компот. Высота обрыва 70 м, крутизна 80 градусов. Почти вертикаль. Когда я спустилась и созналась, что отчаянно трусила, Сергей заявил: «Враньё. Сюда не каждый парень решится спуститься. А ты ещё и новичок». Утешительно.

Шиянский хребет начинается недалеко от Горячего Ключа и кончается почти у моря. Но мы идём не по самому хребту, а по окружающему лесу.

Вечером остановились на привал на уютной полянке. Расставили палатки в уголке, вымылись в ручье. Ночь была тёплая.

20 сентября

В эту ночь почти никто не спал. Уж очень ночь была чудесная. Ходили – прогуливались, разговаривали, любовались звёздами. В палатках тоже беседовали – казалось, ночь сама хочет говорить с нами. Думали, что дождь так и не соберётся. Мальчишки пошли на разведку. Мы с Аней из Харькова тоже пошли прогуляться, забрались на очень красивую вершину высоко-высоко.

Начали спускаться – заблудились. Три или четыре раза взбирались наверх и спускались в ущелья, переходили ручьи-ерики. В конце концов, исколотые и исцарапанные, вышли на трассу. Оказалось, надо было взять на четыре километра правее. Два часа проходили. А потом вдруг хлынул дождь, он начался часа в два дня, а мы собирались в три выходить. Разумеется, обедали в палатках, о выходе и речи не могло быть. Как водится, гоготали, пели, рассказывали анекдоты и сказки, Палатки промокли, мы тоже.

Сейчас 6 часов. На костре готовится ужин, на сучьях сушатся одеяла и рюкзаки. Весело... Разведка принесла нам шоколадных конфет, а себе водки. Я больше не пью ни глотка. Стараюсь согреться без неё – очень уж противная.

21 сентября

Настроение сонное. Сразу после завтрака пеклись на солнце. Берег моря был пустынным до сегодняшнего дня. Вчера наша группа загорала одна. Сегодня пришла какая-то группа нашей же турбазы, они вернулись из Архипки, сказали – соскучились именно по этому пляжу. Расположились на другом берегу ручья. Недавно берегом прошла ещё одна группа в шесть человек, очевидно, дикари. Ночевать не собираются. Мы сюда, к морю, добирались вчера утром. Дорога шла очень круто вверх, её строил какой-то контрабандист лет 300 назад. Местами тропа страшновата, шириной 30-40 см, справа и слева пропасти – дна не видать. Уф, прошли, и все живы!

Много виноградников. Сменяли две банки тушёнки на ведро чудесного винограда. Вышли мы в 7.00 без завтрака, ускоренным марш-броском, а потому

сделали пятиминутный привал и наелись винограду. На Архипку выйдем завтра вечером. Там виноград и яблоки покупные, дорогие. На что они нам, если мы здесь объелись?

22 сентября

Пока матрачики и пижамники катаются на катерах по морю, мы – племя команчей – культурно бесимся в лесу, среди голых скал с сосновыми рощами на самом верху. У нас отличительный знак: клешня краба на шнурке висит на каждой шее. Наш предводитель и вождь имеет разбойничий вид и громовой голос. Его зовут уже не Сергей, а Большой Краб. Нам весело. Сон на открытом воздухе, даже не в палатке, а просто на земле – роскошь. Зато каждое утро развешиваем сушить одеяла – сыреют за ночь. Вечером на Архипку не пошли, пойдём утром.

Жара дикая, но на берегу ветерок. Слегка штормит, море темнеет и закипает у самых ног на камнях. Ой, сейчас окончательно разыгралось – гремит всюю!

Послеобеденный отдых. Жара невозможная. Все поплелись разыскивать прохладные уголки. Я устроила себе плацкарту в восхитительно-диком уголке, среди ядовито-зелёных лиан держи-дерева и жужжащих ос. Ко мне теперь не подступиться. Интересно, дома уже, наверное, осень в разгаре, носят плащи, а здесь даже в купальнике жарко.

Ох, как гремит и бушует море! Даже в мои заросли слышно. Кстати, я ещё не описывала нашего пляжа. Уединённый, каменистый и яркий – он как убежище между морем и горами. Горная гряда уходит далеко

под воду, огораживая его с обеих сторон. Вода зеленоватая и тёплая. Дальше – синяя. Сейчас тёмно-коричневая. В море играют дельфины, на мысу есть крабы. На ужин подают каждый день 20-30 штук. Я их не люблю, они какие-то пресные.

23 сентября

Шторм так и не утих. После захода солнца мы любовались бешеным морем, тяжёлыми тучами и сумасшедшим ветром – хотя по закону границы (а здесь – граница!) это запрещено.

Сегодня утром море бесилось ничуть не меньше. Умываться пришлось на ерике. Вообще настроение было подавленное ещё с вечера: Сергей спорил глупость, подставил меня, и это всех покорило. Но об этом не хочется писать.

Утром вышли на Архипку. Дорога лёгкая и удобная – берегом моря, по осыпающемуся крошеву скал. Избила все ноги. Мои кеды потихоньку превращаются в лохмотья. Но это за весь поход самый лёгкий переход. Тем не менее никто не шутил, не пел... А обычно на самых зверских подъёмах настроение было отличным. Похоже, наши мальчики готовы объявить любимому вождю бойкот...

Архипка встретила нас просто здорово. Все, кто был на базе, собрались на танцплощадке. Старший инструктор турбазы приветствовал нас, нам преподнесли цветы (а мы – совершенно мокрые, нас дождь по дороге намочил и не высушил). Встречали хлебом-солью (яблочным компотом и тортом), музыка и всё такое прочее. Разместили по коттеджам. Здесь уйма людей, весело, шумно. Очереди в столовой, кино, танцы.

После наших походных рюкзаков мой домашний рюкзак кажется мне крохотным и лёгким. А дома мне казалось, что я купила большой! И ещё я научилась легко стирать крупные и очень грязные вещи: одеяла, куртки: кладёшь это всё на большой плоский камень в полосе прибоа, прижимаешь сверху ещё одним камнем потяжелее, и свободен на два часа. Море само выстирает. Потом вешаешь на куст – пусть сохнет. И гладить не надо.

Итак, Братство Большой Клешни стало похоже на нормальных людей. Только амулеты никто не снял.

26 сентября

Вчера нам выдали туристские значки и удостоверения. Всё было очень пышно и торжественно. Мы все задрали носы: оказывается, мы одни «пешеходы», остальные – линейные и радиальные. Очень хочется на нашу последнюю стоянку, прямо до тоски. Теперь я понимаю ту группу из Архипки. Разве что попробовать сколотить группу желающих – и хоть на пару дней удрать туда. Если не получится – уйду в двухдневный в Сосновый Бор. Чепуха – 18 км с одной ночёвкой. Уже приготовилась на всякий случай.

Здесь мы на всём готовом, как-то непривычно. Володя из Киева дал мне вчера слова песни «Связал нас чёрт с тобой». Знал, что мне хотелось их иметь, специально бегал за одной девчонкой весь вечер.

28 сентября

Уф, до чего надоело заживо поджариваться на этом солнце! Осень собирается начинаться или нет?!

Читаю до дурноты. В основном, «Роман-газеты» –

«Тени исчезают в полдень», «Лицом к лицу». Сегодня получила из дома оба письма – это ответы на мои вторые. В ответ на третьи я приеду сама. Вчера ходили в ближайший санаторий на «Гамлета». Понравилось. Этот санаторий очень красив и живописно расположен. Жаль, что у меня нет фотоаппарата.

Позавчера прибыла какая-то группа, все молодые. Хорошо, а то слишком тихо. Сейчас здесь 80 человек глухонемых, 4 группы. Хорошие и весёлые ребята, но только несколько человек из них чуть-чуть говорят. Мы дразним своих ребят: разговариваем с ними жестами, как будто научились у глухонемых.

После обеда поедem кататься на катере. Наконец-то дошла очередь.

29 сентября

Сегодня началась осень. С ночи идёт дождь, с перерывами. После завтрака забрались к мальчишкам в комнату и пели под гитару. Вовремя вчера купила себе плащ! Зато осталось на дорогу в обрез. Не знаю, хватит ли на телеграмму домой.

30 сентября

Два дня море было спокойное при жуткой жаре. Сегодня опять штормит. Стало холоднее, и волны катятся поверх причала, но мы всё равно загораем. Сегодня утром уехала Люда Тугай, завтра едут Володя и Коля Поводыри и Изя Троп. Второго числа – все остальные. Буду ли я помнить всю нашу группу?

Памятник Архипу Осипову – это война 1812 года. Фотографировались на старинных пушках верхом.

Хочу домой!.. Пишу в темноте.

1 октября

На турбазе живёт чудесный ирландский сеттер шоколадного цвета – его зовут Каштан. Он ходит во все походы, мокнет под дождём и карабкается на скалы. Вот уж кому давно пора дать «Мастера спорта»!

Сегодня проводили группу в Сосновый Бор, а я не пошла. Не успеваю. Встретила этого парнишку, который сбивал для нас орехи. Я почти всё понимаю, что он «говорит». Он уезжает сегодня в 10.30 в какой-то Шамир. Он написал сначала, кажется, по-узбекски, но я не поняла, тогда он написал очень неуклюжими буквами по-русски. Вообще, эти глухонемые – очень хорошие ребята. Среди них две замечательно красивые девушки, тоненькие и грациозные, с огромными глазами, пушистыми ресницами в полщеки, толстыми тяжёлыми косами...

Перечитала свой дневник, которому больше полувека – какие яркие и свежие впечатления в молодости... Наверное, это потому, что в первый раз. Уже потом были Крым и Карпаты, Центральный Кавказ и Пиренеи, Баварские Альпы. Конечно, экзотика, но уж таких светлых восторгов она не вызывала. Может быть, чувства стали сдержаннее. А ведь на нашей Земле столько восхитительных уголков!

ПРО МОИХ ДРУЗЕЙ

На днях я получила приглашение на свадьбу Гарика. Я была несколько ошарашена – парню 22 года, такой двухметровый мальчик – а для меня крошечный черноглазый смуглячок, забавный и озорной. Почему-то я вспомнила, как в детстве ему нравилась не его лопаточка для снега (ярко-красная пластмассовая), а лопаточка моего сына, которая уже была далеко не новая, за 32 копейки, железная, на деревянном черенке.

А Надя и Веня – мои лучшие друзья – бабушка и дедушка этого самого жениха. Для меня-то они до сих пор, как пятьдесят лет назад...

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД

Надя с Веней познакомились ещё тогда, когда он учился в Одесском техникуме на электрика. У Нади в Одессе полно родни, её отец тоже одессит.

Чем Веня её привлёк, я вначале не поняла: невысокий, внешне щуплый, светловолосый с совсем не буйной шевелюрой, голубоглазый. А мне тогда нравились черноглазые брюнеты – я только лет через тридцать, у Фазиля Искандера прочитала – это оттого, что я была близорука и остальных просто не видела.

Позже, когда я Веню узнала поближе, поняла: сдержанный, спокойный, умница, юморист и отличный рассказчик. Кроме того, с ним всегда надёжно.

Всего три дня прошло со дня их знакомства, а Надя уже объявила матери, что они собираются расписаться. Началась паника: мать в обмороке, отец за несколько

дней седым стал – детям по восемнадцать лет, Вениамину скоро в армию идти на три года. Слез и криков много было, пока не уговорили обоих подождать до дембеля.

После училища Веня работал на какой-то жуткой шахте под Одессой. Как раз перед его приездом туда, в шахте произошёл обвал, погибла засыпанная женщина.

– Не повезло нам, Васька, – сказал Веня однокурснику. – Из всей группы только мы с тобой и попали в эту дыру.

– Да-а, – закуривая, протянул Василий. – У других-то родители подсуетились, пристроили чадушек. Только наши с тобой бабки неповоротливые.

– Да мой-то, если б захотел, поворотился бы. Только и не хотел он вовсе. Мать извелась, а ему пофигу.

Так год, как положено, и отпахали два юных электрика в этой шахте, до самого призыва в армию. Все три года, что Веня служил, Надя писала ему. И вдруг перестала отвечать на письма. Оказалось, во время отпуска (она уже работала нянечкой в детском саду), опять-таки в Одессе, познакомилась с каким-то москвичом, и тут же собралась за него замуж.

Жила она тогда у своей тёти Оли, сестры отца. Её двоюродная сестра Мина, на двадцать лет её старше, отнеслась к этому в своем духе:

– Тебе что, за верность памятник поставят? Не теряй времени, твоему Вене ещё два года служить, а этот мальчишечка под боком! Такой случай – москвичкой станешь!

– Как? – не мог понять Веня. – Она же за меня собиралась! Опять за три дня надумала?

Обиделся и тоже перестал писать. Но москвич, клятвенно обещавший через неделю приехать, чтобы

подать заявление в ЗАГС, исчез. Надя ждала неделю, месяц, полгода (ни адреса, ни телефона она не знала) – и... успокоилась. И снова написала Вене: извини, я ошиблась, люблю только тебя!

Удивительно, но Веня ей поверил сразу. Надя мне голову заморочила: когда уже Веню демобилизуют? Они с моей сестрой как сговорились: у обеих парни в армии, а тут вдруг объявили по радио и в газетах, что часть солдат демобилизуют в июне. Вот и жужжат с двух сторон: отпустят летом или ждать до зимы? Мне это порядком надоело.

И вдруг Надя прибегает ко мне с победным блеском в глазах. И ещё в дверях кричит:

– Венька приехал!!!

– Где же он?

– Дома у нас сидит, в военном выходить не хочет. Дай чего-нибудь штатского, ему надеть нечего.

– Да что я тебе дам? Подожди, Даня с работы придёт, ему виднее, что нужно.

У нас одна огромная комната в коммуналке, в ней мои родители, мы с мужем и трёхлетним сыном и моя сестра. Не очень просторно, однако Надя полтора часа мечется в этой комнате, не зная где приткнуться, натыкаясь на стулья, и все время мне мешает.

– Да сядь ты наконец! – кричу я. – Не мельтеши! Мне же еще надо приготовить обед к приходу мужа.

Наконец, муж приходит. Пока он умывается в нашей крохотной прихожей-кухне (три квадратных метра, но зато водопровод с отливом и газовая плита, и только одна семья соседей), я ввожу его в курс дела.

– Она сейчас в окно выпрыгнет, – говорю я. – Быстрее дай ей для Вени чего-нибудь.

Надя уже немного успокоилась. Пока Даник роется в шкафу, она рассказывает: с Веней приехали ещё трое

его товарищей по армии. Им ехать дальше, но они еще тут пару дней пробудут. Даня принёс рубашку, брюки, майку и носки. Спрашивает:

- Туфли тоже нужны?
- Ну конечно!
- А какой размер он носит?

Надя молчит. Потом протягивает:

- Н-не знаю...
- Эх, ты... Ну, бери эти. Подойдут – хорошо, а нет – пусть босиком ходит.

Вечером они пришли к нам вдвоём. Смотрим, костюм в плечах узок, по длине велик. Брюки наплыли до земли, от сапог только носки видны. Туфли оказались больше на два номера, не подошли.

Вениамин в разговоре смущался, больше помалкивал. Я вспомнила: Даня, когда из армии пришёл, такой же был – не в своей тарелке.

На следующий день пришли к нам родители Нади. Разговариваем как обычно, а под конец Софья Осиповна отводит меня в сторону:

- Надя тебе ничего не говорила?
- Нет, – припоминаю я, – ничего особенного.

– Понимаешь, парни эти, что с Веней приехали, за обедом два тоста подняли за двадцать второе число. Как ты думаешь, что это может значить?

- Война началась двадцать второго июня.
- Не похоже, смысла нет.
- А когда у Вени день рожденья?

– Кажется, в октябре. Знаешь, я всё думаю: может, они собираются подавать заявление в ЗАГС?

Я посмотрела по календарю:

- Суббота. Всё возможно. Я попробую у неё узнать.

...Надя мялась-мялась, когда я ее спросила. В конце концов решила:

– Мы не хотели никому заранее говорить. Мы расписываемся двадцать второго.

– Как?! Ты что, – осторожно спросила я, – по справке?

Надя засмеялась.

– Нет, что ты! Просто мы подали заявление ещё три месяца назад, когда он ещё служил. Он из армии даже писал в ЗАГС, чтобы продлили до дембеля.

– Ты с ума сошла, Надька, – сказала я. – Когда же будут готовиться, если вы никому не сказали?

– А вы? – отпарировала она. – Вы-то вообще сказали всем уже после ЗАГСа. И ничего. Попереживали и успокоились. Вот уже четыре года прошло, и никто не вспоминает. А нам пышная свадьба не нужна. Вечером в семейном кругу отметим, а в понедельник мне на сессию ехать.

Мама Нади, очнувшись от шока, твердо сказала:

– Приглашать будем всех. Мне еще не хватает смертельных обид родственников! Живо, чтобы за два дня управились!

Ох, как мы все бегали! Четыре дня до свадьбы, а нам надо разослать больше двадцати телеграмм тёткам и дядькам по пяти разным городам, да и в нашем городе – кому по телефону, а кому и лично. И родственникам, и друзьям, которых тоже не меньше миллиона. А одеть жениха и невесту?! Надьке хорошо, она командует с работы по телефону, а я с Венькой по городу галопирую. У него не только нет ничего штатского – у него вообще ничего нет!

Пока ездили, он мне рассказывал истории из своей доармейской жизни. Я постараюсь передать точно, ничего не добавляя от себя, мне понравились его рассказы.

После окончания школы в 1963 году он жил у своей сестры в Одессе на Малых Мельницах. Считался королём Малых Мельниц, занимался в техучилище. Рассказывает, шёл как-то в парке Шевченко. Вечер, темно. Вдруг видит – у кустов четыре фигуры. Один подходит:

– Снимай часы.

Веня даже удивился немного. Его тут все знают, свои бы даже не подумали подойти так нахально.

– Мне самому нужны.

– Снимай часы!

Чужих учить надо. Веня без замаха врезал в скулу. Трое начали окружать со всех сторон. Веня ударил ещё одного, повернулся и пошёл. Почему они не отвечают? Не уверены в себе? Слышит сзади шаги, оборачивается, суёт руку в карман. Парней уже не четверо, а трое. Ага, значит, один ещё отлёживается. Тот, что подходил первым, спрашивает:

– Что у тебя в кармане?

– А тебе что?

– Нож?

– Да.

Переглянулись. Видят, что не того зацепили. Простой запоздалый прохожий с ножом не ходит.

– Ты кто такой?

– Приходи на Малые Мельницы, познакомимся.

Парни пошутукались. Наконец, один говорит:

– Ладно, извини, мы пошутили.

И ушли.

Теперь я думаю: в начале шестидесятых даже хулиганье было приличнее, чем сейчас!

И ещё одна встреча, снова в парке Шевченко.

Шли тогда с Василием. Сзади подошли трое, один

вышел вперед и выдернул авторучку из нагрудного кармана пиджака Василия. Веня тихо сказал:

- Положи ручку.
- Попробуй сам возьми.

Веня ударил, как привык: неожиданно, без замаха. Свои-то хорошо знали его удар, не нарывались бы... Парень сел на землю, очумело замотал головой. Пока он приходил в себя, Веня спросил у остальных:

- Где он живёт?

Ему ответили. Когда Веня с Васей повернулись и ушли, никто не двинулся с места.

– Почему ты не забрал авторучку? – спросил Вася по дороге. Ему было жаль её: настоящие ручки с закрытым золотым пером были редкостью и очень дороги.

- Сам отдаст.
- А куда мы идём?
- К нему.

Ждать пришлось долго. Уже стемнело, когда тот парень пришёл домой. Веня с Васей преградили ему путь.

- Отдай авторучку.

У парня лицо вытянулось. Возможно, он уже знал, на кого нарвался днём. Он отпрыгнул в сторону, но тут же снова оказался на земле.

- Отдай ручку.
- Она у меня дома.
- Принеси.

Парень вошёл в дом, через минуту вернулся с ручкой.

– Теперь давай пять рублей, – сказал Веня, – и будем в расчёте.

Поколебавшись, тот вытащил из кармана пятерку.

...Веня позвонил отцу домой. Ну, не совсем домой –

в колхозе телефон был только в сельсовете. Сказал, что женится, пригласил всех (мать, отца, старшего брата и младшую сестру) на свадьбу. Отец заявил:

– Женишься на Надежде – за сына считать не буду!

Ну, это не новость: он ещё полгода назад, в своём письме в армию, объявил сыну, что нашёл ему невесту из своего села, всё договорено и других вариантов не должно быть. Вениамин все-таки надеялся, что хоть мать приедет... Но в этой семье мнения матери никто никогда не спрашивал.

Мы прыгаем с трамвая на автобус, с автобуса на троллейбус – скорее, скорее, время поджигает! Июнь, жара несусветная, в тени тридцать три, а где она, тень?

– Вень, ты выдержишь в костюме в такую жару?

– Раз в жизни выдержи, – отвечает он. – А если растаю, то подумают – от радости.

Он всё время шутит, рассказывает смешные случаи из армейской жизни, но я знаю, что у него нехорошо на сердце. Предстоят ещё неприятные объяснения с отцом и старшим братом. Приглашение-телеграмму им всё-таки послали.

Четверг. Телеграмма от отца: приехать не можем. Коротко, без поздравления.

Пятница. Телеграмма от брата: отец тяжело болен, приезжай немедленно. Между строчками читаем: всё равно сорвём вам свадьбу.

Суббота. С утра едем в ЗАГС и, между прочим, ждём примерно такую телеграмму: отец при смерти, бросай всё, мчись домой. Но такой телеграммы нет, есть другая, от сестры Саши: поздравляем, желаем, и всё такое прочее. И ни слова о болезни отца. Так и знали – здоров.

Субботнее утро яркое и не очень жаркое. Молодые и свидетели едут в ЗАГС на такси, а мы идём пешком.

Всего три квартала. Родители невесты маются дома, нервничают и готовят столы. Обратно все вместе идём пешком. Веня говорит:

– Мне сказали встать на голубой коврик, а, по моему, он зелёный.

– Это у тебя от радости зеленеет в глазах, – говорю я.

– Мы все видели, что коврик голубой, – сказала Надя.

Я показываю на своё вишневое платье:

– А это?

– А вот это голубое! – убеждённо произносит Веня.

Оказывается, он дальтоник! Или просто не знает цветов?

– Велика радость, за полтора рубля жену приобрёл, – замечает молодожён. – Хорошо, хоть недорого.

Регистрация Нади и Вени, 22 июня 1968 г.

– Подожди, ещё всю жизнь доплачивать будешь, – успокаивает его мой муж, за что и получает лёгкий тычок под бок.

Прохожие оглядываются, многие приветливо улыбаются. Милиционер на перекрёстке смеётся и козыряет. Пожилая супружеская пара поздравляет и желает счастья и любви.

– И детей побольше!

Молодожёны расплываются в растерянной улыбке. Мне кажется, они немного приподняты над землей. Это было бы хорошо: не так жарко.

Свадьба закончилась поздно ночью, было тесно, но весело. Соседи не возражали – они и сами сидели за столом. Потом все разъехались, часть иногородних гостей мы забрали с собой, они у нас и ночевали. Утром мы посадили одесских родственников на 6-часовой поезд и поехали к новобрачным завтракать. Было уже около полудня.

Софья Осиповна подгоняет:

– Уничтожайте всё это скорее, едоки! Не могли вчера съесть? Куда я это дену? В холодильник не лезет!

Мы старались как могли. Потом пошли гулять. Бродили по парку, дурачились, хохотали, фотографировались, затем пошли в кино. Так воскресенье и прошло. А в понедельник молодожены разъехались на целый месяц: Веня к родителям в село, Надя в Запорожье на сессию – переходила на третий курс педагогического института.

Медовый месяц отодвинули на потом.

ЭТО БЫЛО ДАВНО

В 1939 году миниатюрная тоненькая черноглазая студенточка Днепропетровского Metallургического

института (последний курс на экономическом факультете) Соня ехала в поезде Одесса-Днепропетровск. Разговорила с попутчиком – голубоглазым кудрявым верзилкой, оказавшимся интересным собеседником и веселым человеком. Через пять дней они поженились – домашняя девочка с красным дипломом и одесский биндюжник с пятью классами образования.

Соня никогда не занималась хозяйством – могла только чай приготовить. В семье считалось: главное – учёба, остальное приложится. Исаак умел всё – готовить, стирать, гладить, делать любую мужскую и женскую работу. Молодая жена старательно училась, не отводя влюбленного взгляда от мужа. Подумаешь, пять классов! Зато читает запоем, и всё познавательное, и как-то ловко у него в голове все укладывается. А как поет! Исаак не знал ни одной ноты, никогда не учился музыке, но имел настоящий оперный баритон. Когда он пел для домашних – оперные арии и песни на идиш – под окном останавливались люди и слушали. И когда играл на скрипке – тоже. Недалеко от их окон расположена трамвайная остановка – так вот, трамваи проходят, а люди стоят и слушают!

Я очень люблю этого человека, большого и сильного, но с удивительно мягким характером и врожденной интеллигентностью. Я его знала больше двадцати лет, но никогда не слышала от него не только матерного, но и просто ругательного слова вроде «дурак» или «идиот». Хотя он всю жизнь работал на заводе и наверняка знал их немало. Но в дом не вносил.

Семье был предан невероятно: Соня не знала, что такое ходить в магазин или на базар, что такое таскать тяжести. Исаак считал, что работающей жене хватает и работы по дому, и возни с детьми. Работал сварщиком

на заводе, но никогда не показывал, что устал. Всегда готов был помочь, подставить руки. Так они и прожили сорок лет, до самой его смерти, душа в душу, ни разу не поругавшись всерьёз.

Ещё тогда, после окончания института, Соня получила распределение в Таганрог. Они работали на одном заводе, он сварщиком, а она экономистом планового отдела. Там и Додик родился в 1940 году.

Когда началась война, они сначала думали, что до Таганрога немцы не доберутся. Эвакуировались уже в начале весны 1942-го года, в последний момент. Завод эвакуировался в Орск. Додику ещё не было двух лет, когда началась эта жуткая жизнь в теплушках. У ребёнка температура под сорок, понос, – а ехали почти месяц. Думали, не выживет.

На остановках очереди за кипятком. Пока Исаак бежит туда с чайником и бидоном, Соня выносит табурет, тазик – надо успеть постирать пелёнки и бельё. Вот уже и Исаак обратно пробежал. Соня спокойна – обычно остановка длится день-два, муж и ребёнок в вагоне, всё постиранное уже в тазике, остаётся взять воды в колонке и прополоскать. И вдруг состав медленно трогается... Соня оцепенела, не может сдвинуться с места.

Исаак и подумать ничего не успел, сам не понял, как уже выскочил на перрон, схватил жену на руки и толкнул в ближайший проходивший вагон; вслед, уже в другой вагон, летят тазик и табурет, и уже в последний вскакивает он сам.

Когда собрали все вместе, у Сони началась истерика: до неё только сейчас дошло, что она могла остаться одна, без мужа и ребёнка, в халате и тапочках, без денег и еды, на незнакомой станции.

Много чего случилось за этот месяц: и голодали, и чуть не потеряли сына, и остались без вещей – кое-что они поменяли на хлеб, кое-что у них украли. Слава Б-гу, что вообще доехали.

В Орске снова пошли работать на завод, сына отдали в ясли. Вдохнули свободнее, вроде, жизнь начала налаживаться. И вдруг летом – наводнение. Разлившиеся Урал и Ора соединились. С работы домой добрались ещё по колено в воде, потом вода стала прибывать быстрее. Женщины с детьми полезли на крышу. Сидели, ждали спасателей. У двух соседок оказались хлеб и варёная картошка, у Сони – пара крутых яиц в кармане халата. Детей накормили, устроили возле трубы. Думали, самое удобное место, оказалось – самое слабое. Когда крыша затрещала, одна из женщин крикнула:

– Сейчас обвалится! Отойдите от трубы!

Рассредоточились. Маленький Додик кричал:

– Граждане, дайте лодку! Спасите маленького Додю! – Он в два года уже хорошо говорил. Получилось так смешно, что это даже сняло напряжение.

Когда подошли лодки, кричали уже все вокруг. В первую лодку сначала усадили детей, Софью с ними, как самую лёгкую. При ней оказалось девять ребятишек. Другие заполненные лодки шли следом.

– И куда теперь? – спросила она гребца.

– А вон туда, к горе, – махнул он рукой. – Там уже полно людей. Главное сейчас – накормить детей, а потом родители их разберут. Так что не бойсь.

ЖИЗНЬ В ТЫЛУ

Когда Исаака призвали на фронт, Соня с Додиком переехали в Северск, потом в Полевское; она работала

начальником ОТиЗа на полевском заводе. Что выпускал завод, она так и не поняла: всё это называлось «изделие №3282», «изделие №42». Но зато там были повышенные пайки: 800 гр. хлеба на себя, 200 гр. на ребёнка. Часть выменивала на молоко в деревне. Так прожили почти год, пока Исаака после тяжёлого ранения и госпиталя не комиссовали вчистую. Это было в конце 1943-го года.

Уже все вместе уехали в Наманган. Там собралась вся семья: сестра Сони Рая и отец Исаака с Ольгой, младшей дочерью. Рая по дороге обокрали, унесли её единственный чемодан, в котором было всё, что не на ней. И осталась она в сарафане и босоножках. Уже в Намангане ей собрали по соседям хоть какую-то тёплую одежду.

Жили голодно. Рабочие пайки были маленькие, а для служащих – совсем мизерные. Чтобы сварить ребёнку кашу из получищенного риса, Софья собирала на улице щепки и ветки под деревьями. Особенно среди эвакуированных ценилось, когда местные жители кололи дрова: можно было собрать немного больших сухих щепок.

Сосед, старик-узбек, как-то сказал про Додика:

– Бааалшой человек будет! Лэнин будет!

Развеселил... Но, в общем-то, не ошибся – хороший человек вышел, уж можете мне поверить. Исаак совершил, по мнению семьи, вскоре, неожиданно сумасшедший поступок – на рынке купил у какого-то старичка скрипку. Заплатил весь свой месячный паёк, и хлебный, и сахарный, и крупяной. Своя скрипка – это была мечта всей его жизни, ради этого можно было и поголодать месяц. Кстати, эта скрипка жива и по сей день.

Пришла как-то соседка, принесла Додиду гости-

нец: два куска лепешки и кубик желтоватого сахара. Софья поблагодарила – эта их хозяйка относилась к ним неплохо. Пока ребёнок в уголке уплетал угощение, Зухра завела разговор:

– Слыхала, Софья, по карточкам теперь вместо сахара сушёную дыню выдавать будут – тоже ведь сладкая. Не будешь её на базаре покупать.

– Да какая разница! – досадливо Отмахнулась Софья. – Значит, будем хлеб на сахар менять. В кашу ребёнку дыню не положишь...

– А ты её мелко порежь, и можно. Как урюк режешь. И изюм можно, тоже сладенько... А вот я тебя спросить хотела: вы не надумали домой возвращаться?

– Зухра, говори прямо, что ты хочешь? Тебе нужно, чтобы мы съехали?

Женщина потупилась:

– Жильцы Гюльнары уже уехали. Мне с семьёй в одной комнате тесно. Вас шестеро в этой комнате, да нас восьмеро в нашей... Война-то на Запад катится...

Наманган запомнился Додику – ему исполнилось тогда четыре года. Уже дома, на Украине, он с удовольствием пел перед гостями:

В Намангане яблоки зреют ароматные.

На меня не смотришь ты – неприятно мне...

Может, вовсе не ко мне ты приходишь в сад,

А отведать яблочек, сладкий виноград...

Он очень любил петь.

И МИРНОЕ НЕБО НАД ГОЛОВОЙ

В Намангане цвели вишни. Май 45-го гудел пчелиными роями, сиял уже летним солнцем. У людей светлели лица – ужасная война подходила к концу.

У репродукторов на улицах собирались толпы. Когда радио загредело долгожданным сообщением «Победа!!!» – тысячи, миллионы будто пробудились от страшного сна. Незнакомые люди, плача и смеясь, обнимали и целовали друг друга. Откуда-то появились флаги, с балконов домов вывешивали яркие ковры и расшитые скатерти – всё, что своим многоцветьем могло украсить этот радостный день. Репродукторы наполняли город музыкой, а лепестки вишни невесомым торжественным облаком кружили в воздухе.

Софья плакала, крепко прижав к себе сынишку, а он, уже пятилетний, сжал ладошками её щеки и очень серьезно сказал:

– Мама, хватит плакать! Теперь мы только смеяться будем! Мы же их победили! Ну, перестань, ты же уже большая!

В конце 1944-го года решили возвращаться – Украина уже была освобождена. Но в Днепропетровск пропуска не выписывали. Пропуска давали в Москве, тогда в любой освобожденный город надо было ехать через Москву.

– Днепропетровск – областной центр, лучше подождите ещё полгода или год.

Софья спросила:

– А в Днепродзержинск?

– Вы что? Это же почти Днепропетровск!

Она подумала и снова спросила:

– А на станцию Горяиново можно?

– На станцию? Можно.

Выписали пропуск. Софье стало смешно. Эта станция находится прямо в Днепропетровске, у проходной металлургического завода.

И вот они уже в родном городе. А жить негде.

Дома, в котором Софья с родителями жила до вой-

ны, не было. На его месте только яма с обсыпавшимися краями.

– Исачок, дай 15 копеек, – попросила Софья. – Попробую позвонить Ольге Петровне на довоенный телефон.

Повезло! Врач тубдиспансера Ольга Петровна ответила сразу. И сразу узнала.

– Сонечка! Ты вернулась! Я так хочу тебя видеть!

– Оленька, я-то вернулась, а жить нам негде.

Ольга помолчала, потом спросила:

– Вас сколько?

– Трое. Мы с мужем и сыном.

Ольга была довоенной подругой Софьи, на три года старше, и когда Софья заканчивала институт, Ольга уже год работала врачом.

– Так у тебя уже ребёнок? А сколько ему лет? А как его зовут?

– Давиду шесть лет.

– Поживи-ка ты у нас, пока что-нибудь найдешь. Свободная комната есть. Помнишь, где я живу?

– На той стороне... Подожди-ка. Где-то возле завода Коминтерна?

– Точно. Записывай адрес.

Вечером за ужином Ольга Петровна рассказала, что в диспансере нужен статистик, и очень хорошо, что Софья экономист. На работу удалось устроиться без труда – специалистов не хватало.

Исаак сразу же поступил на завод Коминтерна чернорабочим. Через несколько дней, вечером, Софья смеясь рассказывала:

– По карточкам сегодня сахар не отоваривали, а дома уже почти нет, так я на базар заскочила и полкило у прокурора города купила!

– Как это – у прокурора?

– Да я его ещё до войны помнила, он в соседнем доме жил. Сильно постарел, правда. Продал мне кулёк сахара и тут же побежал масло покупать!

Комната-то была, хоть и на птичьих правах, без прописки, а нужна была официальная жилплощадь с пропиской. Отдел кадров тубдиспансера уже два раза напоминал про непорядок. Надо было самим найти жильё, а потом оформить в райисполкоме документы.

К концу лета 1946-го года удалось найти угол по улице Артем, 39. Очень приличная жилплощадь – 8 квадратных метров на большой кухне, за самодельной фанерной перегородкой. Исаака из-за отсутствия прописки уволили. Сказали:

– Мы уже полгода ждём, когда ты пропишешься, а у нас скоро проверка. А ты всё тянешь.

Поэтому, пока жена была на работе, Исаак сам нашёл это жильё. Он купил стол и кровать, два табурета и маленькую кушеточку для сына. Больше там уже ничего не помещалось.

Софья была беременна, второго ребёнка ждали в декабре или январе. Списались с одесскими родственниками, которые тоже уже вернулись из Намангана. Сестра Исаака Ольга с мужем написали, что в Одессе можно неплохо устроиться.

– Бросайте всё, приезжайте, не пожалеете!

Поехать бы одному Исааку, всё равно безработный, так нет же – сорвались все втроём на разведку. А чтобы на их кухню никого не заселили – оставили сторожить приятельницу Софьи, Полину с мужем.

Приехали в Одессу. Ольга встретила на вокзале, сразу отдала Софье ключ от своей комнаты:

– Вы с Додиком устраивайтесь пока у нас, а я Исааку покажу, где жить будете.

В квартале от их дома зашли в типичный одесский двор. Дома вокруг двухэтажные, наружные чугунные лестницы, на уровне вторых этажей сплошная галерея, на нее выходят окна, а то и двери квартир. Но они не стали подниматься по лестнице, а спустились в полуподвал. Когда глаза привыкли к полутьме, Исаак рассмотрел помещение: длинная полутёмная даже в начале осени комната, по узкой стороне одно окошко, в котором видны только ноги прохожих. Сырость была такая, что у Исаака сразу же заledenели ноги.

– А печка тут есть?

– Печка есть у соседей, но можно сложить свою и подсоединиться к их дымоходу, – немного неуверенно проговорила Ольга.

Исаак хмыкнул:

– Ты что, договорилась с этими соседями о печке?

– Н-нет, но ты же, конечно, договоришься...

– Так, – решительно сказал Исаак. – Ты, Оля, предлагаешь мне эту конуру для того, чтобы я рядом с тобой жил? Тебе просто нужна, кроме Яшиных, ещё пара рук? А ты подумала, что у меня маленький ребёнок, а скоро и второй должен появиться? Я что, буду держать их в этом гробу?

Ольга молчала. Брат положил руку ей на плечо.

– Я, конечно, приведу сюда Соню, она тоже должна посмотреть, но думаю, она скажет то же самое.

Софья от этой «квартиры» пришла в ужас.

– Оля, ты что? Только осень началась, а тут уже, как в болоте. А зимой – ты же знаешь ваши одесские зимы: или снежная каша, или дожди, или ледяные ветры с гололедом... И ещё: я в поезде разговорилась с одной одесситкой, так она говорит, что здесь и нормальной работы не найдёшь, столько людей понаехало – и одесситов, и чужих. В общем, так: мне это совсем не

нравится. Передохнём пару дней и обратно. Мне детей живыми надо растить и желательно здоровыми. Кстати, Яша видел это безобразие?

Ольга потушилась:

– Он сказал – вам не понравится.

– Ну, умный парень.

Через неделю вернулись домой. И опять неприятный сюрприз – их ключ не мог отпереть дверь. К счастью, вскоре из магазина вернулась Полина.

– Привет, – растерянно сказала она. – Вы что, вернулись?

– Мы ведь поехали только посмотреться!

– А мы подумали, что насовсем... И в ЖЭКе так сказали, что уехали и не вернётесь. Они ещё ругались, что уехали не выписавшись.

– Так мы и не собирались выписываться! Это вы поменяли замок?

– Ну да, как водится. Прописались и поменяли.

– А мы теперь куда?!

– А я почём знаю...

Опять поиски квартиры. После долгих хождений их отправили на ул. Тихую, 3 (теперь это ул. Мечникова). Какая-то несуразная комнатуха, да ещё с колонной посередине. На одного человека подошла бы, а на семью из трёх человек, да еще четвёртый на подходе!

Вернулись в райисполком. Ноябрь был в самом разгаре – ледяной дождь, слякоть, шквальный ветер. Промёрзшая, с мокрыми ногами Соня – маленькая, на восьмом месяце, этакий колобок в очках – села в кабинете на стул и сказала:

– Всё. Никуда больше не пойду. Здесь, в кабинете, и рожу.

Председатель райисполкома, кажется, поверил.

Позвал секретаршу и приказал поискать что-нибудь приличное. Но в это время туда же, в кабинет, прибежала Вера Лейтис. До войны она жила в одном дворе с нашей семьей и училась с моей мамой в Индустриальном техникуме. Вера тут же выпалила, что какой-то грузин выселяется из своей комнаты по ул. Тихой, 17 и уезжает.

Туда Соня и Исаак и въехали, забрав у Полины свою мебель. Это была действительно приличная квартира: комната 12 метров в одноэтажном доме, и даже дверь в неё не прямо с улицы, а есть тамбур – кухонька три квадратных метра. Есть где поставить примус и ведро для воды. И вода в колонке прямо в их дворе, буквально в десяти метрах. Там и прожили 16 лет.

Там в декабре и родилась Надя. И опять неприятный казус с именем ребёнка. Пока Софья была дома с недельной Наточкой (хотели назвать Натаной), Исаак с выпиской из роддома отправился в ЗАГС. Сотрудница наотрез отказалась записать девочку Натаной.

– Такого имени нет, – заявила она.

– Почему? – растерялся Исаак. – Имя как имя. Дома Наточкой бы звали. Может, записать Натальей?

– Дома можете звать, как хотите, – категорически ответила женщина. – А такого имени не существует. Надо записать Надежда, а там хоть горшком зовите.

– Ну, ладно, – замылся Исаак, представляя, какими словами его встретит дома жена. Но в это морозный декабрьский день он не хотел тащиться через полгорода сюда ещё раз.

Так и осталась Наточка Надеждой на всю жизнь.

*Софья Осиповна, Исаак Львович и Вика.
1968 г.*

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Давид женился в 1964-м году, а Надя вышла замуж в 1968-м. Их дети росли вместе: раз в неделю собирались у бабушки Сони и дедушки Исаака, крепко дружили и даже почти не ссорились. А уж в отпуске, на Азовском море или в Одессе, – и подавно вместе.

Старший сын Нади и Вени, Ося, был весь в отца – высокий голубоглазый блондин (ну, уж высокий – это в деда Исаака), а младший Миша – в Надю, черноглазый и черноволосый, среднего роста, крепкий смуглячок.

И сыновья у мальчиков родились по порядку – сначала у Оси Лёва, беленький и с голубыми глазами,

весь какой-то перламутровый. Потом у Миши – Гарик, такой же черноглазый боровичок, как отец, обаятельный до невозможности, подвижный, как ртутный шарик. А потом, уже здесь, в Израиле, у Оси родилось ещё четверо детей – мальчик и три девочки, у Миши трое – мальчик и две девочки. Теперь на дни рождения и другие праздники собирается большая семья.

Сони и Исаака давно нет, да и Додика уже нет с нами, к сожалению... Но дети растут. И вот уже Гарик женился. Жизнь продолжается...

ТЁТЯ ЛЕЯ ИЗ ЛЬОВОА

В 1961 году, когда мне было 18 лет и у меня был первый рабочий отпуск на заводе, мама решила познакомить меня с родственниками. Мы не поехали в Ольгополь, всё равно там уже никого из родни не осталось. Мы поехали во Львов к маминной двоюродной сестре Лее и в Москву, где жили пять маминых кузин и один кузен. А по дороге во Львов, в поезде, мама открыла блокнот, и мы постарались составить список выживших по городам – их оказалось около 60 человек, считая и вторые половинки – Львов, Москва, Кишинёв, Одесса, Омск, Ташкент, Томск, Новосибирск, Ейск и Херсон. Немногим меньше половины семьи. Разбросала война по всему Союзу...

Мамина сестра тётя Лея с мужем и двумя детьми не успели эвакуироваться из Львова и оказались в страшном львовском гетто. Муж Леи, крупный и сильный, в конце концов умер от тяжёлой работы под дулом автоматов, постоянной плети надсмотрщиков и голода. А крохотная, тихонькая Лея, похожая на тощего воробышка, умудрилась выжить и спасти детей.

Во время облав в гетто она прятала детей в пещерке глинистого обрыва, заросшего колючим кустарником. Обрыв начинался сразу за их домиком, во время дождей сверху, с горы, катились смытые куски глины и дёрна, древесный мусор. Фашисты даже не замыкали облаву с той стороны – её замыкала гора, крутой неприветливый холм, практически непроходимый.

На наружные работы Лею не гоняли – она выглядела не крупнее своих детей, девятилетней Ани

и семилетнего Коли. В ней и росту-то было 148 сантиметров.

За 2-3 дня она научила детей вязать на спицах и стала принимать заказы. Две-три сердобольные знакомые львовянки приносили шерстяную самодельную пряжу и передавали её через работавших снаружи на ремонте дорог. Женскую кофту или мужскую фуфайку вязали три дня – мать делала самое сложное, рукава, Аня вязала полочки, а Коля – спинку, самое простое. За готовую вещь платили целую буханку хлеба, за пару носков 200 грамм. Часть шла тем, кто приносил шерсть, мать с отцом скупно отрезали себе по ломтю, остальное – детям. Конечно, этот заработок был не каждый день.

Коля мне показал, как он это делал. Набрал петли и связал полноска за 15 минут. Спицы мелькали в его руках так быстро, что я их почти не видела. Я была поражена и именно поэтому вскоре тоже научилась вязать.

Но это была только демонстрация. Ни брат, ни сестра после войны к спицам не прикасались. Слишком тяжелы были воспоминания... Никому не надо напоминать, чем было львовское гетто?.. И, кроме того, им обоим до сих пор по ночам снились грубая колючая пряжа и лязгающие тяжёлые железные спицы.

Коля работал главным инженером Львовского мелькомбината. Соседи уважительно называли его – пан инжИнер (по-польски). Аня преподавала в техникуме. Тётя Лея, согнувшаяся и почти растаявшая, вела хозяйство и держала взрослых детей в твёрдом маленьком кулачке.

Коля так и не женился. Мать заявила, что сначала

должна выйти замуж старшая сестра. Но Аня тоже никак не могла выйти замуж – мама браковала всех потенциальных женихов подряд, пока они вообще не закончились. Мне кажется, тётя так боялась остаться без своих выстрадавших и спасённых детей, что была уверена, будто никто их не достоин.

Коля не очень переживал. По его словам, на его век баб хватит, зато тёщи не будет ни одной. Высокий, хорошо сложенный, обаятельный, да ещё на такой должности – женщины у него не переводились. Впрочем, я не уверена, что он был искренен...

А вот Аня страдала открыто, и только после смерти матери вышла замуж за вдовца с детьми и внуками и в девяностых уехала с ними в Нью-Йорк. Первое время мы переписывались, а потом как-то заглохло.

Тётя Лея, как только я появлялась перед ней, сразу же старалась усадить меня за стол.

– Эссен, эссен, – тихим, шелестящим голосом повторяла она.

Так и осталась в моей памяти – тихая, крохотная, особенно по сравнению с рослыми и громкими своими детьми, пошедшими в отца. Постоянно боявшаяся, что кому-то не хватит еды...

Соседки пользовались этим вовсю. Днём, когда мы с тётей оставались вдвоём, все десять дней – раздавался звонок в дверь, я бежала открывать, и очередная пани вопрошала:

– ДобрЫдень, пани Вестелева дома? – как будто не знала, что пани Вестелева из дому не выходит. После чего, пошептавшись, уносила охапку чего-нибудь – от соли и чеснока до сахара и овощей.

Я думаю, что дети всё это знали, но делали вид, что не замечают...

КАК ИЗ МЕНЯ НЕ ПОЛУЧИЛСЯ ШОФЁР

С тётей Фаней, старшей сестрой моей мамы, в этот день мы разговорились случайно. Мужчины – дядя Абрам, их сын Вова и мой муж Арик – ушли куда-то вместе, а мы сидели вдвоём и пили чай с кексами (тётя их делала бесподобно). Уже стемнело, телевизор мы не включали. Было тихо и уютно в их маленькой однокомнатной квартире.

Мы прервали разговор, потому что невозможно перекричать рев только что поднявшегося с близкого аэродрома самолёта. Тетя Фаня вздрогнула:

– Просто ужас, что аэродром близко. Целый день летают. Ладно, днём мы на работе, а в выходной? До сих пор от этого рёва голова сама в плечи вжимается. Я тебе этого еще не рассказывала?

Воевать я начала ещё 1939 году, в гарнизоне на Западной Украине, санитаркой. А в 1941 году подделала в паспорте свой год рождения с 1915 на 1918, иначе не брали на курсы шофёров. Учили нас на шофёров вначале под Волоколамском, потом немцы приблизились к Москве, и нас отвели в Подольск. Справочников и учебников не было. Была одна толстенная книга на весь фронт. Прочтут нам лекцию, выдадут эту книгу на всю группу на час-полтора, и забирают. Увозят за 50 километров в другую часть – им тоже надо. Я старалась по-быстрому кое-что записать. А писала я со страшной скоростью, и почерк был хороший. Вот и решила: зачем по кусочкам? Говорю преподавателю:

– Дайте мне эту книгу на месяц, во внеучебное время я её перепишу, в группе хоть свой учебник будет.

– Да у вас выпуск-то скоростной, всего два месяца!

– Ну, так следующей группе пригодится. Мы у вас что, последние?

Освободили меня от строевых занятий, и я переписала эту тысячу страниц за три недели. Это была ещё та работёнка – с 8 утра до 10 вечера, с двумя перерывами.

Практики почти не было. Теорию и матчасть мы знали назубок, а вот водить не приходилось. Уже под конец дали на группу, на три дня, раздолбанный «газик». На каждого курсанта пришлось 15 минут. Сядешь, сориентируешься в кабине, выезжаешь со двора, разворачиваешься, заезжаешь во двор, разворачиваешься – и выходи. Кончились твои 15 минут. И так три дня. А потом вызывает меня майор и говорит:

– Кати в штаб, повезёшь генерала, куда скажет, и приведёшь машину обратно. Генеральского шофёра ранило.

Еду и думаю только о том, чтобы машину до штаба не разбить. И ещё о том, чтобы руки не очень заметно тряслись. Приехала к штабной землянке, лихо развернулась, остановилась. Вошла в землянку, доложились. Уже в машине спрашиваю:

– Товарищ генерал, вы в машинах понимаете?

– Немножко разбираюсь, – говорит.

Мне стало легче. Поехали. На моё счастье, дорога знакомая. Целый день ездили, вечером от напряжения руки были, как деревянные. Ещё два дня возила его, пообвыклась чуток.

На четвёртый день он говорит:

– Давай на передовую.

Поехали. Не успели из лесочка выехать, как немцы

начали дорогу бомбить. И так пыль столбом, а тут вообще ничего не видать. Генерал мне кричит:

– Живей в кювет!

Оказывается, надо было сразу съезжать с дороги. А я сижу, руки опустила. От грохота уши заложило, в глазах мелькает красное, рябит. Сажу как парализованная. Он только рукой махнул:

– Побежали в лесок! – и выдернул меня из кабины.

Когда бомбежка закончилась, мы вышли к машине. Ничего, не зацепило. Смотрит он на меня и тихо так спрашивает?

– До передовой довезешь? – А я молчу. – Ну ладно, – вздохнул он. – Разворачивайся, поехали обратно.

Дорога вся в воронках. Уже в конце – только объехала очередную воронку – удар! Оказывается, в телеграфный столб врезались. Мне всё лицо стеклами порезало и руки – я ими успела глаза прикрыть. Слышу, генерал спрашивает:

– Глаза-то целы?

Я руки от глаз отвела, гляжу – а у него тоже лицо и руки в порезах...

Как доехали до штаба, уже не помню. Больше меня за руль не пускали, оставили при штабе. Я уже думала, трибунал будет – генерала чуть не угрохала, в «газике» стёкла побиты и капот помят. Время военное, могли на минуточку и к стенке поставить. Но почему-то обошлось.

– Тётя Фаня, вы больше так и не водили машину?

– Через пару месяцев пришлось еще попробовать. Одну нашу колонну страшно обстреляли. Двадцать шофёров из двадцати пяти попали в госпиталь. Тогда всех, кто хоть немного водил, отправили на подвозку боеприпасов. Дорога одна – от склада до передовой и обратно. Шесть-семь рейсов в день. Но в один

неудачный день опять жутко бомбили эту дорогу. Я шла в колонне вторая и почему-то на буксире, уже не помню, почему. Вдруг этот грохот, от которого у меня закладывает уши и опускаются руки. А, вспомнила, почему я на буксире шла: дорога была вся в воронках, перепаханная, и опыта у меня меньше всех. Чтобы я не угробила машину, один опытный шофёр взял меня на буксир. Они все мне помогали, очень хорошие ребята были. А, кстати, девушек больше не было в нашей колонне. Вот я и ехала, как телёнок на привязи, только руль вертела.

*Фаня с боевыми товарищами,
15.12.1943 г.*

А тут загорелась эта первая машина. А в ней три тонны боеприпасов. Я из кабины выскочила, кричу нашим: «Назад!», – а сама к Серёге. Смотрю, а он на руле лежит уже мёртвый. Я уж и не сообразила, как трос сбросила с крюка – и ходу назад, по этой невоз-

можной дороге. Когда грузовик Сережи взорвался, рядом с ним уже никого не было. Только в этот раз я снаряды так и не довезла до передовой – остальные после бомбёжки дальше поехали, а я назад повернула, к складу.

Больше меня в колонну не брали. Мне потом передали – начальник штаба сказал:

– Шуфман из списков водителей исключить. Совсем. Невезучая она.

На что сержант Митя Шелковников, из разведки, ехидно добавил:

– «Мессеры» специально прилетают на нашу Фанечку-хохотушку полюбоваться. Просто жить без неё не могут!

А почерк я себе испортила тогда капитально. Когда оформляли в штаб счетоводом, главный выразился насчёт моего почерка очень... эмоционально. И что ты думаешь – за месяц я его переделала в нормальный. Это очень просто: всё свободное время, вечер и ночь, я заново училась писать. Как в первом классе.

Если очень захочешь – всё возможно!

ПОЛВЕКА НАЗАД

Мамина сотрудница сказала:

– Рива Вольфовна, вы всё равно в отпуск едете во Львов, а у меня там сын служит. Вам не трудно будет отвезти ему посылочку?

Как можно было отказать! И мы взяли с собой небольшой, но довольно тяжёлый посылочный ящик. Тогда их делали не из картона, а из фанеры. Там был большой домашний пирог, баночки с вареньем, сгущёнка, мёд, конфеты – мечта сладкоежки.

Во Львове, оставив маму у её тёти, я пошла разыскивать воинскую часть. Долго искать не пришлось, она была на одной из центральных улиц. На КПП вахтенный позвал офицера. Я объяснила, зачем пришла. Офицер хмыкнул:

– Надеюсь, там ничего не испортится. Их часть на учениях, вернутся не скоро.

Я написала записку: не застала, вот тебе посылка от родителей, а мы с мамой через десять дней уезжаем в Москву – тоже на десять дней. Извини, но я тебя даже в лицо не помню. Если не сложно, пришли фотку.

Придётся немного объяснить. Наши мамы много лет проработали в одной комнате – моя в отделе труда и зарплаты, его – в плановом отделе. Все билеты на ёлку – вместе, путёвки в пионерлагерь – вместе, на демонстрацию опять вместе. Мы не дружили, просто всё детство были рядышком. У него своя компания, у меня своя. Даже гланды вырезали в одной больнице, в одни зимние каникулы.

Но сейчас мы выросли, и я Алика совсем не знаю. И он меня тоже.

В этот первый день мне Львов не понравился. Тёмно-серые мрачные здания давили. Хотя было только начало сентября, сеялся нудный дождь, было хмуро и неуютно. А в просторной квартире маминой тёти Леи мягко гудела печка – высокая, до потолка – выложенная красивыми старинными изразцами: золотые завитки на светло-бирюзовом фоне. Старый дом на Шевченковской, тёмный кирпич и мох у крыльца. Старую тётю Лею уважительно величали «пани Вестелева» или «пани инжИнерова» и кланялись при встрече.

Её дети, кузены моей мамы, которых Лея сумела вывезти живыми из страшного Львовского гетто, мне сразу понравились. Высокий статный красавец Коля, главный инженер Мелькомбината, и такая же статная Аня, похожая на полячку, чернявая и суховатая в обращении, но очень добрая. Они все явно были рады видеть мою маму, ну и меня заодно.

На следующий день выглянуло солнце и началось настоящее бабье лето. Львов похорошел несказанно, сразу стал свежим и гостеприимным. Каштаны со стуком сыпались на землю просто в невероятном количестве – я никогда ничего подобного не видела. Стук был частым и непрерывным много часов подряд – как трещотка. Будто из мешка сыпали. Красивые яркие шарики так густо усеяли тротуары и мостовые, что и прохожие, и машины двигались прямо по ним, и они гулко лопались.

После работы Аня (она преподавала в техникуме) водила нас с мамой по городу. Мы, как замороженные, смотрели на величественный красавец город, его роскошные особняки, парки и старинные костелы. Нас

поразили магазины. Это была уже заграница, там продавали то, чего у нас не только не было – мы даже не подозревали о существовании многих вещей.

В одном маленьком магазинчике я увидела гедеэровскую белую кружевную блузку – даже дух захватило. Всё-таки мне было всего восемнадцать лет! Аня со мной не зашла, они с мамой были в соседнем гастрономе. Продавщица обслужила всех передо мной и тут же переключилась на очередь за мной. А я стояла прямо перед ней и всё пыталась попросить её показать блузку. Она меня в упор не замечала, хотя я уже минут пятнадцать стояла перед её носом. Я ничего не могла понять. Выручила Аня, влетевшая в магазинчик:

– Ты чего тут застряла?

У меня уже стояли слёзы в глазах.

– Она меня не хочет слушать!

– Ага... – Аня что-то быстро застрекотала, кажется, по-польски, я только разобрала «цей паненке» – мне моментально выложили на прилавок мою белоснежную мечту – кстати, недорогую.

Когда мы вышли с покупкой, Аня посоветовала:

– В магазинах и на рынке не говори по-русски, иначе до вечера стоять будешь. Можешь по-украински, по-польски, да хоть на идиш. Только не по-русски.

Только через месяц пришёл ответ от Алика – он благодарил за посылку, объяснил, что учения затянулись на три недели, что они все три недели просидели в каком-то лесу – это был экипаж радиотехнической связи. В письме было фото – совершенно незнакомый парень. В общем, симпатичный.

Я вежливо ответила и тоже послала фото. В письме Алика меня поразил его ужасный почерк – уж точно, курица лапой лучше напишет. Кроме того, там было

столько грамматических ошибок, что это меня просто убило. Об этом я тоже ему написала, конечно.

Ответ пришёл неожиданно быстро. Алик просил исправлять в его письмах все ошибки и отсылать ему обратно. Я так и сделала: письмо стало похоже на красную картинку с лёгким синим фоном.

Алик, 20.01.1962 г., г. Львов

Потом он написал, как ужаснулся при виде своего письма. Сказал, что взял в библиотеке учебник русского языка и попробует что-нибудь сделать.

В течение следующего года ошибок становилось всё меньше и меньше, да и почерк намного лучше стал. Я оценила его упорство. Письма были весёлые, с юмором и очень интересные. Алик так описывал воинскую службу, столько забавных случаев – я читала эти письма как приключенческий роман.

Весной он приехал в отпуск. Фотография ему льстила – очень фотогеничен, но на самом деле немножко не такой. Уши оттопырены, нос набок, но – совершенно потрясающие серо-зелёные глаза с золотистыми искорками. Невысокий, чуть выше меня, когда я не на каблуках.

– Привет, Ритка! – сказал он. – Я приехал всего на неделю. На учениях отличился, вот и отпустили. Поздравь, я уже сержант, команду экипажем. А ты

совсем такая, как на фотке. Идём, погуляем? Наши все в армии, а у меня и девчонки никогда еще не было, пройтись по городу не с кем.

Этот разговор происходил у меня дома в воскресное утро. Мы ушли, и Алик привёл меня домой, когда уже стемнело. Мы гуляли и разговаривали, бродили в парке и по бульварам, ели пирожки и мороженое. К вечеру я уже знала, что это самый интересный человек из всех окружающих.

Мне на работу к восьми. Значит, в семь я выхожу из дома, чтобы успеть на трамвай в 7.05. Выхожу на улицу и натыкаюсь на Алика.

– Здравсьте! Ты что тут делаешь?

– А мы вчера не договорили.

– Так мне же на трамвай!

– А что, там запрещают разговаривать?

Сорок минут в трамвае пролетают как один миг. У заводской проходной наскоро прощаемся, мне ещё шагать через весь завод около двух километров – у нас завод длинный. Толпа рассасывается в разных направлениях, первыми отсеиваются модельный и инструментальный цеха, потом чугунолитейный, чугуно-сталелитейный, монтажно-сборочный, цех тюбингов, а когда подходим к кузнечно-прессовому – это уже не река, а ручейки. До новомеханического доходят только десятки людей, за нами только паровозное депо и подъём на копровой участок. И это только ИТР и служащие! У рабочих-то смена с семи часов!

На нашем заводе около девяти тысяч человек. Я люблю свой завод и горжусь им – я тут с 17 лет, сразу после школы. Год пробегала рассыльной, знаю все закоулки и короткие дорожки. Мы с Уралмашем – единственные, кто делает нестандартное, уникальное

оборудование для металлургических заводов всей страны. Теперь мне 19, и я готовлюсь поступать в институт, а пока работаю копировщицей.

После работы выхожу из проходной – и опять натываюсь на Алика.

– Привет! Ты что, заблудился?

– А мы же утром не договорили.

– Я не домой, я на подготовительные курсы.

– А мы по дороге...

До Металлургического института минут сорок пять езды. Занимаемся мы два часа. Выхожу из корпуса – и взглядом упираюсь в знакомую фигуру.

– Опять не договорили?

– Ну, надо же тебя домой проводить!

Идём пешком, не спешим, иначе дойдём за десять минут. Через полчаса звоню в нашу дверь.

– Вот, принимайте, тётъ Рая, привёл целой и невредимой.

Наши уже поужинали, папа на диване с газетой, сестра как всегда рисует в уголке. Мама кормит нас двоих.

– Вот как хорошо, – говорит она. – А то вечно волнуясь, что она одна ходит.

Мы живём в одной большой комнате в коммуналке. Когда встаём из-за стола, уже одиннадцатый час. Мама беспокоится, как Алик доберётся домой.

– Тётъ Рая, не волнуйтесь, трамваи ещё ходят, через час дома буду.

И так всю неделю. Когда Алик уехал, мне стало скучно. Парень, с которым я изредка встречалась, показался теперь бесцветным и неинтересным. Мы расстались как-то без особых эмоций – а какие тут эмоции? Кино, танцельки, пару раз цветы, пару раз лез целоваться, но я не хотела. А с Алькой никаких

поцелуев не надо – мы просто друзья, и уединяться даже в голову не приходит. Но как с ним интересно! Теперь мы переписывались часто. Письма были длинные и читались взахлёб. Я уже поступила в институт, Алик должен был демобилизоваться в ноябре или декабре.

Он приехал в начале декабря. Не хотел прийти ко мне в военном, пришёл в своей доармейской одежде, ужасно старомодной. По-прежнему мы не назначали свиданий «на углу в пять», он приходил к нам домой, когда мог, и мы уходили на всё воскресенье. По будням, как раньше, приезжал к нашему дому и провожал на работу, а вечером встречал у проходной. Все наши как-то быстро привыкли к невысокой коренастой фигуре на своём посту.

– Ритка, во-он твой нарисовался!

– Аккуратно, без прогулов...

– Везёт же некоторым! И сумку донесёт, и охрана...

В нашу заводскую компанию Алик влился незаметно и прочно. Он ещё не работал – на тот завод, где работал до армии, надо было два месяца ждать допуска. Нас уже не представляли отдельно. В народной дружине наш строгий начальник-участковый цеплял Алику повязку как своему и, кажется, был доволен – в компанию девчонок затесался хоть один парень, да еще после армии.

На дни рождения нас приглашали вдвоём – знали, что иначе я не пойду. Да и Алик душа компании, поёт, танцует. Даже спрашивали:

– Может, ты и на гитаре играешь?

– А как же, – серьёзно отвечал он, – если её перевернуть. Хороший барабан получается.

На Новый 1963 год мне выделили билет на двоих

во Дворец Ильича – один из самых больших и красивых в городе.

После «Карнавальной ночи» везде устраивали такие чудесные новогодние вечера со столиками, хорошими концертами и танцами до утра. А уж здесь всё было по высшему классу. Алик танцевал только со мной, хотя наши девочки и дулись немного – он очень хорошо танцевал, еще в армии в ансамбле был.

Моё зимнее пальтишко было, мягко говоря, не нарядным, ещё со школы. На улице было довольно тепло, и я пошла на праздник в любимом чёрном платье, в капроне и в красивых туфельках, и в новом демисезонном пальто. Мне его только этой осенью справили. А когда мы в 5 утра вышли из Дворца, стоял звонкий морозец градусов под десять, и трамваи не ходили – Новый год, и примерно восемь километров мы топали домой пешком. В Днепропетровске большие расстояния. Промёрзли – жуть!

В кармане у Алика нашлась незаконченная пачка сигарет – он в армии начал курить. Я терпеть не могу табачный дым, но мы старались согреться по дороге.

– Зачем ты вообще куришь? – спросила я.

– Да мне оно, в общем-то, не надо, – пояснил он. – Это в армии так – объявляют перекур, все дымят, мы разговариваем. Вдруг подходит старшина (это ещё в учебке было): – Ты что, не куришь? Тогда иди работай. – Так что пришлось...

– А бросить сможешь?

– Да пожалуйста! – и выбросил в урну пачку.

Больше он в жизни не курил. До армии Алик занимался боксом, их тренер запретил портить лёгкие. В армии тоже тренировался и даже был чемпионом Львовской области в полулёгком весе.

Мама нас отпаивала горячим чаем с малиной. Но всё равно на следующий день я уже не могла подняться, температура не опускалась ниже 38, участковый признала воспаление лёгких. Погуляла! С 5 января началась первая в моей жизни сессия, а я головы поднять не могу. Родители и сестра на работе. Алик приходил с самого утра, принимал у мамы смену и возился со мной до вечера. Он меня кормил, поил чаем и лекарствами, читал мне учебники, потом помогал одеться и тащил чуть ли не на себе в институт – на консультации, на экзамены. Ждал в коридоре и вёл обратно, и укладывал спать. Сессию мы сдали, не отлично, но я же вечерник!

А тут и Алькин допуск подоспел. Мы стали реже видеться, и оба поняли, что это очень трудно. Но родители мои считали, что надо сначала получить образование, а его родители почему-то недооценивали своего сына и вообще решили, что я его вот-вот прогоню. Это его-то, весёлого, открытого, надёжного!

Моя мама как-то рассказала. На работе мама Алика спросила её.

– Алик что, с Ритой встречается?

– Да, каждый день. С работы встречает, из института домой приводит.

– Вот оно что! А дома ничего не говорит... Мы с отцом уже думали, опять связался с той компанией. Вы знаете, до армии у них такая компания была – половина до сих пор в тюрьме сидит! Ну, слава Б-гу, хоть тут нормально... – и она вздохнула облегченно.

Мои подружки уже давно встречались с мальчиками, ещё со школы. А я – длинная, нескладная (в 17 лет выглядела как 13-летняя) об этом и не думала. У меня были книги, музыка, позже первые пробы в журналистике – какие тут мальчики и кому они

нужны? Наш руководитель школы юнкоров при областной комсомольской газете заваливал нас заданиями. Пока получится даже небольшая заметка или беседа, набегаешься, как гончая. Ну, и заводская многотиражка, конечно, и институт пять вечеров в неделю...

Алик не пошёл на подготовительные курсы – в аттестате почти одни тройки, в школе не особенно старался. В вечерней школе к лету аттестат был почти только с пятёрками. Учился уже не для мамы с папой – повзрослел.

А я уже переходила на третий курс. Я готовилась к летней сессии, Алик ко вступительным экзаменам. В парке Шевченко, в проливе между берегом и островом была наша заводская водная станция, с двумя речными трамвайчиками и полусотней лодок. По моему пропуску мы брали лодку и уезжали на один из крохотных островков, которыми усеян Днепр от Комсомольского до Шевского острова. Пляжик в несколько квадратных метров, кусочек ковыльной степи да две-три вербы полощутся у воды – и нашествие божьих коровок, усеивающих каждый куст и каждую корягу.

Мы расстилаем покрывало, делим его пополам стопками учебников и тетрадей. Позавтракали, поплавали – и за работу. Никто не мешает, транзистор мурлычет на нижнем пределе громкости. Часа через три опять перекусили, поплавали, и опять за книги. И так до вечера. Еды нам мамы наталкивали в сумки на весь день.

Воспользовавшись двумя аттестатами, Алик сдал документы сразу в два института. Это тогда запрещалось, но он был уверен, что в одном из них сразу срежется, тогда проблемы не будет. И... поступил в оба.

На последнем экзамене (физике) в Транспортном старался срезаться, но экзаменатор почему-то очень сопротивлялся.

– Да у вас же одни отлично, и вопрос я задал простой: вот напишите мне ещё эту формулу...

Ну, кто из абитуриентов решится так ответить экзаменатору:

– А я её не помню.

– Почему?

– У меня голова не мусорный ящик. Для этого есть справочники. Но, если хотите, я вам её сейчас выведу. – И вывел за минуту уверенно и логично. Никогда он не умел зубрить, докапывался до сути, а дальше ему уже было легко. Честно, я так не умею.

– Вот видите, а вы делаете вид, что физику не знаете. Зачем?!

Но Алик, получив очередную пятёрку, всё-таки забрал документы. Объяснил всполошившейся старушке из приёмной комиссии, что вынужден уехать. Она захохала:

– Ах, как жалко, одни «отлично»! Но с этой бумажкой вы сумеете в любой ВУЗ поступить. Без экзаменов!

Говорили, что в Транспортном даже вечерникам учиться очень тяжело – у них военная дисциплина, пропустишь пару занятий – могут отчислить. А в Строительном точно такой же ОТФ (общетехнический факультет), как и в Транспортном, и в моём Горном.

В сентябре 64-го Алик стал первокурсником, а я уже на третьем. Во время одной из наших прогулок, на скамейке над Днепром он взял меня за руку и, перебирая мои пальцы, чуть ли не заплетая их в косичку, сказал:

– Ритка, ты не обижайся, если что... Я тебе хочу предложить одну авантюру... на двоих. Давай уже никогда не будем расставаться? Выходи за меня замуж. Золотых гор не обещаю, но что есть – всё пополам. Идёт?

Угадайте с трёх раз, что я ему ответила?

МОЯ ОДНОКУРСНИЦА

1

Оля родилась в январе 1942 года. А в начале 1943-го её маму немцы вывезли в Германию вместе с четырьмя детьми: годовалой Олей и её старшими братьями Витей, Лёней и Толей. Мать работала на заводе. Жили в землянке. Почему в землянке? Да потому что бараки, предназначенные для работниц (на производстве работали, в основном, женщины), были уже настолько переполнены, что даже по меркам фашистов туда больше никого нельзя было втиснуть. Те дети, которые были постарше – лет с восьми, тоже работали.

За малышами, которые оставались на весь день в землянках, конечно, никто не смотрел. Лёне было пять лет, Вите – шесть. Они ухитрялись добывать еду, копались в помойках и на заднем дворе немецкой столовой, возле мусорных ящиков. Перед уходом «на добычу» совали Оле в кулачок огрызок чёрствой корки – пусть грызёт.

– Лёнька, сегодня на кухне дежурит Ганс?

– Не-а, он вчера дежурил. Сегодня Фридрих.

– А, ну хорошо, а то Ганс жадничает, за горбушку ухи открутит. Он объедки для своей мамахен оставляет – та свиней разводит.

– А Фридрих чего разводит?

– Наверное, ничего. Он добрый, позавчера почти полселёдки дал и целый ком каши. Правда, вкусно было?

– Я уже не помню. Это же было позавчера...
Смотри, смотри, что это?!

– Ух ты, повезло! Это же каша с тушёной! Да ещё и в кастрюльке. А-а, она же пригорела, вот всё вместе и выкинули! А мы заберём, правда?

Оля в землянке плакала, вылизывала давно вылизанную консервную банку и засыпала на голой земле, в грязи и слезах.

Когда американцы начали бомбить немецкие города, советские работницы вместе с малышами прятались в бомбоубежищах. Однажды бомба попала в четвёртый отсек, и их всех засыпало. Когда их откопали, мать была уже мертва. Её ударило балкой и придавило. Дети были живы, но у Лёни была пробита голова, а у Вити сломана рука. Оля не пострадала, потому что мальчики закрыли её собой.

Толи с ними не было с самого начала. Полненький здоровый 9-летний мальчик с кровью первой группы лежал в больнице, где немцы брали кровь у детей для своих раненых. Многие дети умерли, Толю спас врач-антифашист.

После смерти матери жить стало ещё тяжелее. Оле не было тогда и двух лет.

Потом пришли наши. Дети, выжившие в этом барачно-земляном городке – страшные, истощённые, испуганные и измученные, – были срочно переправлены на Родину.

Оля была вся покрыта коростой, неотмываемой грязью, полуживая – трёхлетний скелетик, обтянутый серой кожей, но всё-таки хорошенькая. Огромные чёрные глаза, ресницы в полщеки, черные кудри контрастировали с дистрофичным тельцем. Из детдома её взяла на воспитание актриса из Москвы. Она откормила девочку, нашла ей платиц.

Оля жила то в Москве, то в Ленинграде. Это ей нравилось:

– Мама, правда, мы живём в самом красивом городе?

– Правда, Оленька. А завтра после репетиции мы поедem в Зоологический сад, и ты увидишь там нового слона.

– А почему он новый? Бывают и старые?

– Прежнего слона убило бомбой во время войны. Ох, не плачь, Оленька, я больше не буду вспоминать... Давай, я тебя ещё одному новому танцу научу. У тебя так хорошо получается! Тебе ведь нравится танцевать?

– Очень, мама! Петъ мы с тобой тоже будем вместе на сцене?

– Конечно, Оленька. И сыграем то, что выучили вчера, ладно?

Всё было бы хорошо, если бы не бабка актрисы, садистка по натуре и Баба-Яга по характеру. Ей доставляло удовольствие доводить до истерики перепуганную ещё с войны девочку.

Оля вспоминала:

– Я помню это хорошо, мне тогда было лет пять. В московской квартире я жила в маленькой полутёмной комнатке – это ведь коммуналка, чуланчик такой. Вечером, когда мама играла в спектаклях, бабка надевала какой-нибудь театральный костюм, что пострашнее, жуткий парик, и входила ко мне. Отбирала куклу, швыряла её на пол – и начиналось! Деваться было некуда от неё! Я пугалась, кричала, а она хохотала... Я билась в истерике и теряла сознание. Потом старуха сказала маме, что я истеричка и припадочная, и меня вернули в детдом...

Через год нашлась семья Оли: отец и братья. Это было счастье! Ей тогда было 6 лет, Лёне 10, Вите 11,

Толе 14. Оля вела хозяйство, как умела, братья помогали.

Вскоре отец женился снова, и у его жены было своих трое. Отец решил: Олю, как самую младшую, отдать в бездетную семью. Никто из мальчиков не посмел возразить – отец был крут и нетерпим.

Оля попала в село. Снова новые мама и папа. Ну что ж, значит, снова привыкать надо. Но папа совсем не тот! Оля его не признавала:

– Мой папа военный, а ты не военный!

Пришлось ему одолжить у односельчанина на время старую военную форму:

– Вот видишь, я твой папа. Но не могу же я в поле работать в форме! В простой одежде удобнее, а на праздник я эту надену.

– Ну хорошо, пусть папа, – согласилась Оля.

Ей было семь лет, но она была так мала, что ей и пяти не давали, а осенью надо было уже идти в школу.

В послевоенном селе жизнь тяжёлая. Малышка, сама меньше кухонной утвари, чистила огромные чугунки и горшки во дворе золой, топила печь, ходила за поросятами, работала в огороде, мыла полы, стирала, готовила – помогала родителям, как могла.

И вдруг опять несчастье. На полуразрушенной ферме, которую колхоз всё не успевал отремонтировать, мать придавило рухнувшей крышей. С повреждённым позвоночником её увезли в больницу. Теперь ко всем хлопотам нужно было еще три раза в неделю ездить за 60 км в Никополь, проведывать мать. Оля возила овощи с огорода, продавала их на базаре, а деньги отдавала матери. Врачи долго не брались делать ей операцию, мать лежала в палате для умирающих. Никто, кроме Оли, к ней не приходил. И

всё-таки женщина выжила, хотя ещё год ходила на костылях. Потом она говорила:

– Хоть не своя, а самая родная. Роднее тебя у меня никого нет.

Несмотря на тяжёлую жизнь, Оля училась неплохо. Её выручала отличная память.

Однажды, когда Оля была уже в седьмом классе, она в Никополе встретила человека, который достраивал им в селе дом. Это было год назад. Она помнила его и не любила – неприятный тип, обжорливый, скупой и неприветливый.

Это был её родной отец. Она не узнала его, бывшего подтянутого военного, так он изменился. И дело было даже не в том, что он стал втрое толще, одутловатый, неопрятный и с бегающими глазами. Он пригласил дочку к себе домой и рассказал ей, что та женщина от него ушла вместе со своими детьми, а общих у них не было.

Оля расплакалась – она смутно помнила совсем другого отца, а этого – ТАКОГО – не хотела. Ей ближе был тот, деревенский, грубоватый, но любящий, вечно занятый то в поле, то в колхозных мастерских, мастер на все руки.

Но в комнате, куда привёл её отец, был Витя, любимый брат, уже взрослый 19-летний парень, высокий и красивый, с огненно-чёрными глазами и буйной шевелюрой. Они с Олей были очень похожи.

– А где Лёня и Толя?

– Они учатся в Киеве, летом приедут. Мы их только на каникулах и видим.

До десятого класса Оля скрывала от приёмных родителей, что знает свою настоящую семью. Потом как-то рассказала. К её удивлению, никаких особых

эмоций это не вызвало: нашлись и нашлись, очень хорошо.

Оля по рождению русская. Приёмные родители украинцы Терещенко.

– Я три фамилии носила в своей жизни, – говорит она, – больше уже некуда. Теперь я Дубова, больше менять фамилию не буду.

Почему – менять?..

2

Оля Дубова – моя однокурсница. Мы познакомились на вступительных экзаменах на вечерний факультет Горного института, так называемый Общетехнический. Он одинаков для всех технических ВУЗов, а на четвёртый курс переходит на выбранную специальность.

Яркая красавица привлекла моё внимание ещё и тем, что держалась, как и я, – тушевалась, старалась быть незаметной. При её фигуре и внешности это было странно.

Попали мы в одну группу. Нас в группе и всего-то было шесть девочек из тридцати студентов, да ещё пара мальчиков 17-19 лет. Остальные – взрослые дяди, начальники разных категорий с техникумовским образованием, которых срочно заставили получить высшее. Время такое было – 1962 год. Указ такой вышел.

Эти дяденьки называли нас «детский сад».

На втором курсе Оля вышла замуж (а я осенью, на третьем). Наташеньку она родила перед зимней сессией на третьем курсе (а я сына – после летней сессии третьего курса). Третьей в нашей теплой компании была Лиля Гуревич. Она свою Ирочку

родила на три недели раньше меня, перед сессией. Конечно, три молодые мамы не могли не подружиться.

И вот уже на четвёртом курсе (насколько помню, в конце октября) прибегает ко мне домой Оля. Сидит молча долго-долго. И я молчу. Потом вдруг как расплачется!

– Не могу больше! За два года столько намучилась, столько натерпелась, даже мама не знает...

Оказывается, Володя постоянно мучает её ревностью, оскорбляет, устраивает дикие сцены, а вчера избил и чуть не задушил. Оля ходит перепуганная, потемневшая.

– Представляешь, как-то прихожу из института, как всегда, в одиннадцать вечера, а он пьяный в стельку, всё перебил, что нажили, переломал. Хорошо, что Наташенька сейчас в круглосуточных яслях. Ревнует к каждому столбу. Я уже вообще боюсь смотреть на людей, даже на ребят из нашей группы...

Я ещё вспомнила: доцент, который вёл семинар по деталям машин, молодой здоровенный красавец, пунцовел до неприличия, но не мог в течение всего занятия отвести взгляд от Оли. Мы с ней сидели за первым столом, у нас у обеих неважное зрение, и пересесть на задние ряды невозможно. Олю это так нервировало, что она совсем бы не ходила на эти семинары, если бы не работа над курсовым проектом. Мне пришлось в перерыве откровенно поговорить с доцентом. Я ему сказала напрямик, что если он не перестанет есть глазами эту студентку, то вмешается её муж, будут неприятности не только для него, но и для Оли.

– Он ведь следит за каждым моим шагом: почему ты тому кивнула? Почему этому улыбнулась?..

А кто мне нужен? Я всю себя отдаю ему и Наташеньке.

Оля права. Родила посреди третьего курса, металась между мужем, ребёнком и институтом. И ведь всё одна. Ни у неё, ни у Володи в городе никого нет, никто им не помогает. Спит она два часа в сутки.

А теперь она хочет развестись с Володей. Бойтся идти домой. Скрывать она не умеет, а если заикнётся о разводе, он может её сонную убить. Уже пытался.

– Оля, почему ты всё прощаешь? Он же зверь!

– Хотела сберечь семью, думала – переберется и успокоится, видит же, что я повода не даю.

– А если он ребёнку изуродует жизнь?

– Он уже грозился отобрать у меня Наташеньку. Уйду от него, сама её воспитаю... если он меня раньше не прикончит... Ну всё, я пошла. Попробую узнать в суде, что и как. Паспорт-то мой он спрятал.

– Оля, даже если всё обойдётся, к нам его больше не приводит. Я же не выдержу, всё выскажу.

Она пошла в суд, подала заявление и вернулась ко мне:

– Боюсь идти домой...

Назавтра Оля снова пришла. Выглядела более спокойной.

– Ну, что?

– Представляешь, я не выдержала и рассказала Володе, что подала заявление на развод. Он как-то сразу осунулся, помертвел – даже страшно стало. Долго молчал, а потом весь вечер и полночи просил прощения, даже на коленях... Клялся, что никогда в жизни не посмеет поднять на меня руку.

– Ты ему веришь?

– Видела бы ты его... Он сказал, что если сорвётся, чтобы я сразу бросила его, а ещё лучше – чтобы сразу

убила. И что надо быстро идти в суд и забрать заявление, а не то он попросит их сразу же посадить его в тюрьму, пока он что-нибудь не натворил, чем жить без меня и без Наташеньки. В общем, много чего говорил.

А ведь раньше Оля про Володю рассказывала только хорошее: мягкий, заботливый, деликатный, хозяйственный. Только вот откуда у него эта дикая ревность? Не уверен в себе, что ли? По крайней мере, теперь он знает, чем его выходки могут обернуться. Если уж Оля уйдёт, то это навсегда.

Прошло больше 50 лет. Володя сдержал слово – больше не срывался, или сумел скрыть это. Оля работала ведущим конструктором в одной очень серьёзной организации. Когда вышла на пенсию, уехала в село. Есть на Днепре такое место, где выращивают лучшие в Украине помидоры. Похоже, Оля у них в конце концов за старшую стала, потому что, когда я уже жила в Израиле, именно она через меня вышла на мошав, снабжающий весь мир семенами лучших сортов томата. Я даже потом не сумела узнать, что и как у них получилось – связь прервалась. Знаю только, что Наташа работает в Киеве, замужем, её дочка Настенька тоже в Киеве. Она художница.

ПОРА СТУДЕНЧЕСКАЯ

УЧИТЬСЯ ИНТЕРЕСНО

В нашем институте на Общетехническом факультете большая часть потока были практики со средне-техническим образованием на должностях начальников цехов, главных инженеров, а то и директоров небольших предприятий. В 1962 году вышел указ – на этих должностях могут работать только специалисты с высшим образованием. Специалистам с огромным опытом был предложен выбор – или срочно получай высшее образование, или освобождай место – пусть для неумелых, но с дипломами.

Вот и собрались солидные дяди с солидным общественным положением, которым, кажется, немного неловко было садиться за парты рядом с «детским садом», как они прозвали нас – восемь человек в возрасте 17-19 лет. У нас был минимально необходимый стаж, два года, и нам были нужны не только «корочки», но и знания.

Учиться мне нравилось. Мои конспекты были популярны в группе. Их брали на 2-3 дня, секретарши их перепечатывали, а начальники могли не заглядывать в толстые учебники.

А к экзаменам я ещё и шпаргалки готовила – экстракт конспектов, которые расходились по всему потоку. Пока я их писала, весь материал успевала повторить, так что ими пользоваться уже не надо было. Первая сессия прошла с одними «тройками», но зато научилась сдавать экзамены. Ещё старалась не

пропускать занятий – за все шесть лет единственный раз, когда замуж выходила. Да и сын родился сразу после летней сессии, так что к началу четвёртого курса с ним уже нянчились родители – мои и мужа.

«Старики» в группе относились к нам по-дружески, опекали. Конечно, у нас не было студенческой вольницы, как у «дневников» – все солидные, семейные, но окончание сессий отмечали всегда шумно, весело и с выдумкой. И как всегда знали, что без мужа я не приду. Смирились с тем, что без него я не умею ни отдыхать, ни веселиться.

Зато никак не могли смириться с тем, что я не волнуюсь перед экзаменами, не трясусь в коридоре и не листаю лихорадочно учебник. Так научили меня в детстве родители, ещё когда в пятом классе готовилась к первому в жизни экзамену. Говорили – перед смертью не надышишься, за последние пять минут ничего не выучишь. Что знаешь – то и ответишь. Главное – не молчи, а говори. И не разрешали готовиться по ночам. Для работы есть день, а ночью надо спать. На то и сессия, чтобы работать с 8 до 18.

И знаете, помогало. Вся наша группа ждала, когда же я начну волноваться.

– На защите диплома, – держали пари.

Опять разочарование. Я просто развесила все 13 листов чертежей, рассказала всё, что сделала. Ответила на технологические вопросы и начала снимать с доски листы.

– Ещё один вопрос, – задержал меня председатель комиссии, обычно вредный и нелюбимый нами теплотехник, а сейчас милейший старичок. – На диплом обычно берут две детали – корпусную и простую. Почему вы взяли две корпусные? Это ведь намного сложнее.

– Во-первых, – ответила я, – это и намного инте-

реснее. Во-вторых, у нас на заводе именно с этими деталями сложности. И мне кажется, что некоторые из них удалось решить. Попробую подать рацпредложение.

Кстати, потом я так и сделала.

СТИСКИН

Мне стыдно, но сейчас не могу вспомнить имя моего главного дипломного консультанта. Тогда мне казалось немного странным, что он как будто покорно принимал все мои скороспелые идеи по проекту и не часто их поправлял. Впрочем, после трёх-четырёх консультаций он мне предложил.

– Хотите, я вас познакомлю с одним человеком? В технологии он бог, царь и герой. Он всё знает и всё может.

И познакомил меня с Григорием Моисеевичем Стискиным, преподавателем Машиностроительного техникума, автором серии лучших методик по Техмашу. Оказывается, в молодости мой консультант учился у Стискина и только что не молился на него.

Небольшого роста, до невероятности похожий на Пеликана из «Мистера Икс», актёра Григория Ярона, Стискин просто покорила меня. Его живой яркий говорок, добродушное и внимательное отношение к собеседнику (даже к молодому незнакомке, вроде меня), типично еврейский юмор, – всё это сочеталось с глубочайшими знаниями не только теории и практики резания металлов, но и всех сопутствующих дисциплин. Кажалось, в технике для него вообще секретов нет.

Григорий Моисеевич практически полностью взял на себя роль моего главного консультанта. А официальный был, по-моему, только рад этому. Его я больше

не видела до самой защиты, он только подписал технологическую часть, не заглянув в неё.

Два месяца напряжённой работы остались для меня счастливым временем – была настолько увлечена проектом, что иногда звонила Стискину домой даже поздно вечером. И он не клал трубку, пока мы досконально не выясняли очередную проблему.

Оказалось, он был заядлым лыжником. Никогда бы не подумала!

– Григорий Моисеевич, у нас же зимы не всегда снежные!

– А я никуда не тороплюсь. Есть возможность – не упущу. Нет – подожду. Главное – не гнать лошадей. Не торопись и всё успеешь.

– Раньше зимы были всегда снежные?

– Там, где я был, – всегда. Я ведь в финскую воевал. Конечно, какой из меня солдат, я случайно попал туда.

– Как случайно?!

– Пришлось. Моего отца репрессировали, а я тогда в институте учился. Вызвали в деканат и приказали на общем собрании отречься от отца как от врага народа. Я же не идиот, пошёл в военкомат и записался добровольцем. Так и отмазался от них. Отвоевал финскую, кстати, паршивое мы там дело сделали, потом Отечественную. И только потом закончил институт. А отца так и расстреляли...

И ещё Стискин был пушкинистом и очень авторитетным среди специалистов. Сотни стихотворений знал наизусть. Мог рассказывать о Пушкине часами. Это от него я впервые узнала, что Пушкин ценил свои еврейские корни настолько, что, проектируя для себя надгробный памятник (на это у него ушло шесть лет – расчёты, эскизы), на каждой его грани поместил звёзды Давида в древнем варианте времён Давида – шести-

лепестковый цветок. И его жена Наталья Николаевна знала об этом.

Узнала я и то, что у Александра Сергеевича были научные работы по истории и математике.

И про друзей поэта Стискин рассказывал то, что в СССР было закрытой темой.

В общем, Григорий Моисеевич – вдвое старше меня – стал моим близким другом и наставником. Если случалось заниматься у него дома, к нам присоединялась его жена. Я даже пару раз ужинала у них. Пирог у хозяйки были необыкновенно вкусные.

После защиты диплома Стискин даже хотел пристроить меня в свой техникум преподавателем черчения и начерталки. Из этого ничего не получилось – как только уходящая на пенсию преподавательница сообщила на работе о своём намерении, сослуживцы тут же разделили её часы между собой. Пришлым там уже нечего было делать.

В методическом комитете Стискин был завален работой по учебным методичкам. По его рекомендации меня взяли туда по совместительству. К методичкам полагается много небольших чертежей, схем, таблиц.

И ещё в это время готовился к печати учебник «Токарное дело», позже переведенный на все европейские языки, включая португальский. Так что после работы я принималась за ту же работу, только тушью. Потом ещё выходили брошюры-дополнения к учебнику, и все с иллюстрациями моим почерком. Авторские экземпляры с автографами и сейчас стоят в моём книжном шкафу.

А потом начались треклятые девяностые годы. Зарплату задерживали по несколько месяцев, а семью надо было кормить.

Мой муж после работы подрабатывал на строительстве каких-то подстанций электриком и электромехаником по ремонту сгоревших электродвигателей, — тогда даже предприятиям это было выгоднее, чем каждый раз покупать новые. Дети-то растут и есть просят каждый день, и из одежды и обуви они вырастают неприлично быстро... А многочасовые очереди за всем!!!

Я делала нашим заводчанам курсовые и дипломные проекты — чего теперь скрывать! Спала по 3-4 часа в сутки. Тогда все наши конструкторы этим занимались.

Звонит Стискин.

— Опять ко мне приходят курсовые твоим почерком! Ты что думаешь, я его спугаю с другим?!

— Григорий Моисеевич! — оправдываюсь я. — Вы же знаете, я мозгами не торгую, только руками. Расчёты они делают сами, я только черчу по их данным. Кушать всё-таки хочется! Я же не виновата, что у ваших студентов руки не оттуда растут. Всё равно они кого-нибудь наймут, так уж лучше меня. Хоть за графику будете спокойны... Вы их лучше спросите, кто это развонил обо мне по всему заводу. Мне эти толпы ещё придется распределять по другим конструкторам!

Курсовые в основном были по деталям машин. Эти редукторы я уже могла делать с закрытыми глазами. Это вам не мой курсовой редуктор с зацеплением Новикова, я больше таких ни у кого не видела, хотя он компактнее, красивее и производительнее. Но в проектировании труднее. Только такая авантюристка, как я, могла взяться за него.

Интереснее всего были дипломные работы по самым разным специальностям: и машиностроение, и приборостроение, и электротехника, и строительство, и

архитектура. Очень красиво иногда листы с отмывкой акварелью. И геологический диплом был – КАК я рисовала цветную карту Молдавии! Даже одна диссертация нарисовалась с плакатами и диаграммами тушью в три цвета.

Ну и что с того, что «халтура» – делалось-то всё качественно! Если нас поставили на грань голодной смерти, то чем виноваты мои дети... Или мне надо было идти просить милостыню...

А потом Стискин с семьёй уехал в Израиль. У меня даже есть его телефон, но я недавно здесь живу и не решаюсь ему позвонить. Мне сейчас за 70, а он на 22 года старше. Я просто боюсь услышать, что его уже нет.

Пусть он останется живым – чудесный, добрый и талантливый человек.

СОН В РУКУ

Лето 1965 года было необычайно жарким. Асфальт плавился на тротуарах, как на лесных тропах отпечатывались все следы. Нестерпимо яркий огненный шар над головой выпивал последние капли влаги из растений и людей. Подходил к концу мой декретный отпуск, и подходила к концу летняя сессия. Ещё немного и я буду уже на четвёртом курсе. И у меня будет... как бы хотелось, чтобы это был сын!

Мой любимый предмет – «Детали машин» и мой любимый преподаватель Лавилов, который так увлекательно его читает. Готовиться именно к этому экзамену – сплошное удовольствие. Мне очень хочется стать конструктором, а чертежи читаются, как приключенческий роман.

В ночь на 5 июля накануне последнего экзамена приснился сон: сижу с билетом у окна, готовлюсь, а

рядом со мной в ослепительном солнечном свете сидит мальчишка месяцев 6-8, смуглый, черноглазый, со смешной чёлочкой, и просится на руки. А я ему говорю:

– Не мешай, видишь, я на вопросы отвечаю. Потерпи немножко...

С утра тороплюсь в институт. У всех сессия, поэтому трамвай вверх по проспекту как всегда набит битком. Ну не опаздывать же! Хватаюсь за поручни, повисаю на подножке.

Кто-то с задней площадки кричит:

– Граждане, уплотнитесь ещё чуть-чуть! Беременная на подножке висит!

– Подождала бы следующего, – бурчит кто-то рядом.

– И опоздаю на экзамен! – запальчиво кричу я.

Меня поддерживают:

– Следующий тоже переполнен будет. А вы подвиньтесь, иначе она тут и родит.

– Девушка, осторожно, а то хулиган родится...

Длинный-предлинный пролёт от ул. Артёма до Горного, наконец, заканчивается. Мы вываливаемся сжатые и скомканные – человек двести, не меньше. Остальным дальше – там ещё столько институтов и техникумов!

Наша аудитория на втором этаже. В здании прохладно, ему больше ста лет, это первый ВУЗ в городе Екатеринославе. Просторный холл, широченные лестницы, гулкие коридоры с огромными окнами и широкими подоконниками – стены чуть не в метр толщиной.

Захожу на экзамен как всегда в первой тройке. Это моя фишка – чем раньше отмучаешься, тем легче жить. Наши к этому уже привыкли и охотно уступают

очередь. Я взяла билет, села у окна и сразу вспомнила тот сон.

Лавилов участливо спросил:

– Вам не тяжело? Смотрите, а то я просто поставлю вам «хорошо» и отпущу. На улице жарко.

– Так что, я зря готовилась? – Я взглянула на вопросы билета. – Ой, знаете, на эти вопросы я могу отвечать без подготовки.

Лавилов с удовольствием поставил мне «отлично» и забрал себе листок со схемами.

– Пусть у меня останется. Тут есть одно интересное решение.

По дороге домой я купила на послезавтра билеты в цирк. Приехал знаменитый клоун Карандаш, и мы уже давно собирались так отметить окончание наших сессий. Мой муж перешёл на второй курс.

После цирка, нахохотавшись, мы приехали домой почти в полночь. А в два часа ночи я проснулась от острой боли.

– Вызывай «скорую»!

Ну, без подробностей... 8 июля без двадцати двенадцать в такой же жаркий день родился мальчик – смуглый, с тёмной чёлкой и почему-то синими глазами. Точно такой, как был во сне. А глаза через месяц почернели.

Когда в 1968 году я защитила диплом, Генке было почти три года. Он уже умел нарисовать в трёх проекциях всё, что попадалось ему на глаза. Конечно, дома мне устроили настоящий праздник. Кто-то из гостей спросил у малыша:

– Геночка, а тебе нравится, что твоя мама инженер?

Наш обстоятельный сынуля задумался на несколько секунд и пожал плечами:

– А я ещё не видал, как она ИНЖЕНЕРИТ!

С ОДНОГО ВЗГЛЯДА

Проверяя экономическую часть пояснительной записки, наша дотошная «экономичка»-консультант удивлённо заметила:

– Впервые вижу студенческую работу без единого «фонаря», а обычно целые «прожектора» встречаются. Признайтесь честно, за вас это делал специалист?

– Извините, – призналась я. – Это делала я сама, но это уже третий вариант. Первые два забраковала моя мама.

– Она что, подробно проверяла весь раздел?

– Нет, только на последнюю цифру взглянула. В первый раз сказала: «Ты разоришь завод!», во второй: «У тебя рабочие разбегутся на другие заводы», и только в третий раз: «Ну, так ещё работать можно».

– Она у вас экономист?

– В Минлегпроме говорят, экономист от Бога.

– Наверное, они правы, если она по одной цифре работу предприятия оценивает, без формул и выкладок... Всё, я раздел подписала, а вас попрошу: принесите мне ваши черновики, лучше все три варианта. На память.

Я принесла. Не рассказывать же ей, что моя мама в 49 лет имеет стаж 35 лет (из них 3 года войны – это 9 лет стажа), и всё экономистом...

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Когда я показываю это фото знакомым, обычно не узнают человека, рядом с которым я стою. Это фото было сделано в июне 2006 года в Нюрнберге, на так называемом Фломаркете (блошином рынке) в Трюделе. А получилось это совсем неожиданно. Я гостила у одноклассницы. Приехала в Баварию всего на две недели, хотя Клара обижалась:

– Хоть бы на два месяца приехала! Столько лет не виделись, даже наговориться не успеем!

Действительно, она с семьёй давно уже живёт в Германии. А ведь мы в школе все последние три года болтали практически без остановки, правда, только на переменках и когда провожали друг друга после уроков домой. Нас было три подружки – ещё Тамара – и мы были, что называется, «не разлей вода».

Но дома у меня оставалась дочка и трёхлетний внук, не могла же я их одних оставить надолго! Нет, двух недель должно хватить.

У Клары ноги больные, ходить ей тяжело, поэтому по городу с ней мы гуляли немного, в основном выгуливали полуторогодовалую её внучку Санечку, и обычно там, где Кларе можно было присесть хоть ненадолго.

Так однажды мы забрели на крохотный базарчик внутри какого-то квартала. На Украине их называют «клиничками», и, действительно, они вклиниваются между домами в любой удобный закуток – под деревьями, между автостоянкой и детской площадкой. Прямо на земле расстелены куски пластика (судя по

рисунку, подозреваю, старые шторы от ванн), а на них чего только нет! Я, например, выудила там настоящую пивную кружку с откидывающейся крышкой, толстого литого стекла, с гербом. Вот только не литровую, а грамм на пятьдесят... Прелестная игрушка, из которой ребёнок потом с удовольствием пил то молоко, то компот. И соусник в виде белого лебедя – красив необыкновенно, на праздничном столе смотрится просто царственно. Шея лебедя служила ручкой, и гости всё норовили подержать её в руках.

Но самое интересное началось с невольного возгласа Клары:

– Витка, гляди туда! Быстро!

Я обернулась. По базарчику в толпе чинно прохаживались двое пожилых мужчин, часто наклоняясь к выставленным вещицам, рассматривая их и переговариваясь вполголоса. Оба седые, в бейсболках, только один в синем спортивном костюме, а второй в смешных штанах на помочах – одна штанина красная, вторая жёлтая. Ну и ну!

– Кто это?

– Не узнаёшь?

– Так он в тёмных очках.

– Да это же Олег Попов! Он по этим фломаркетам ходит, ищет экспонаты для своей коллекции свиней. Их у него знаешь сколько? Говорят, у него в доме целая комната выделена под свиной музей. В витринах по стенам маленькие, а на полу большие. Есть стеклянные, деревянные, керамические, резиновые и даже каменные. И надувные есть, просто огромные. Помнишь его знаменитый цирковой номер с живой свиньёй? Говорят, что он из всех стран привозил их. Смотри, вот что-то нашёл!

В руках у Попова была глиняная свистулька в виде поросёнка. Он дунул, и пронзительная трель, очень высокая, почти поросячий визг, заставила шарахнуться стоявших рядом. Вокруг засмеялись. Олега Попова тут знали и любили.

Я не выдержала:

– Клара, держи мою камеру. Знаешь, как пользоваться? Нажмёшь вот тут.

И решительно вклинилась в толпу.

*Вика с любимым артистом Олегом Поповым,
22 июля 2006 г.*

– Добрый день, Олег Константинович, – начала я, внутренне ёжась от собственного нахальства. – Вы меня извините, но не согласились бы вы со мной

сфотографироваться? Иначе никто не поверит, что я вас видела так близко...

– Живьём? – со смехом спросил он.

– Скажем так – вживую. Рядышком. Так что – можно?

– Да пожалуйста. Сеня, возьми мой кошелёк, оплати эту свинюшку, я сейчас.

Мы вышли из толпы, и Клара пару раз щёлкнула затвором. Когда я горячо благодарила Солнечного Клоуна, он успел выдать мне очередной анекдот, и мы опять смеялись.

Потом Попова окликнул его спутник – в руках у него был смешной розовый поросёнок в синих штанишках и с белой розой во рту. Керамика, конечно...

ПРОШЛЫМИ ДОРОГАМИ

Я начала писать историю нашей семьи, потому что история нашего народа и состоит из историй семей. Кроме того, я осталась в семье самой старшей, остальные уже не знают того, что мне когда-то рассказывали мои родители. И посвятила этот рассказ своим родителям – Риве Шуфман и Абраму Мошенскому.

У моего отца с детства была такая особенность организма: он спал четыре часа в сутки, полноценно при этом отдыхая. Бывает такая аномалия. Обычно ложился спать в полночь, вставал около четырёх утра.

На фронте, конечно, всё было по-другому, но он уставал меньше других – хотя, конечно, было очень тяжело. Война вообще тяжёлая работа. Товарищи про него говорили: Абрам у нас – костяк Красной Армии!

Действительно, он был не просто худощав – необычайно худ, но при этом так же необычайно силен физически и вынослив. Их часть с тяжёлыми боями отступала по Украине. Шли сутками, почти без отдыха, чёрные от пороховой копоти и усталости, обовшивевшие и небритые, еле вытягивая ноги из грязи августовских проливных дождей, теряя убитых, пряча по хуторам тяжелораненых. Легкораненые не покидали строя. Вот и теперь, когда часть расположилась на ночь в каком-то селе по хатам, он примостился на полу с краю. Обычно охотнее лезут в середину. Бросил в угол шинель и вышел во двор помочь хозяйке наколоть дров. Вошёл в хату, когда уже все спали вповалку.

Хозяйка полезла на печь к детям, повозилась немного, шикнула на пискнувшую было девчоночку и тоже уснула. Отец ещё покурил во дворе, потом лёг и

укрылся краешком своей шинели – сосед почти всю её натянул на себя. Проснулся и вышел наружу, когда небо стало только чуть сереть, солнце ещё и не восходило. Наверное, было часа четыре. Пошёл к колодцу умыться, шагов пятьдесят от хаты.

А село какое красивое! Вчера вечером и разглядеть не успели. Белые мазанки попрятались среди садов, в палисадниках огнем горят астры и золотые шары, Очень крепко пахнет яблоками.

Тишина взорвалась внезапно. Загрохотало совсем близко – фашисты начали артобстрел. Наших солдат видно не было – не успели проснуться? Вдруг за спиной взрыв. Он оглянулся – на месте их хаты чёрный столб до неба. Удушливый дым пополз книзу, посыпались комья земли и какой-то мусор. Отец бросился к дому, отчаянно надеясь, что хоть кто-то остался жив. Только добежал до воронки – за спиной взрыв. Оглянулся – на месте колодца столб земли, воды и дыма до неба...

И все это буквально за три-четыре секунды! Оглушённый, он упал. Прибежали из штабной хаты, из других хат, стояли понуро. Подошли командир части и политрук.

– Рассказывай, – командиром был совсем молоденький лейтенант, только два дня назад сменивший погибшего капитана.

– А что рассказывать? Только вышел, а тут... – у него перехватило горло. Откашлялся, встал, доложил в нескольких словах.

Командир покачал головой:

– Ну, рядовой, тебе везет! Всего несколько секунд, никогда такого не видел...

– Много ты вообще видел, – проворчал пулемётчик Цыплаков. Ему уже было за сорок, его считали стариком. – Войне два месяца всего, мы все драпаем и

драпаем. Когда уже по-настоящему драться будем?.. А Абраше действительно везёт, не иначе как его бережёт его еврейский бог... Ну что ж, командир, командуй, пока нас всех тут не завалило.

В этот день они дважды отбивали гитлеровцев от маленького украинского села. После третьей атаки пришлось отступать. Ещё через день их наполовину поредевшая часть соединилась с другой такой же. И опять отступали – медленно, с мучительно тяжёлыми боями, которые с каждым днём становились всё ожесточённее и отчаяннее.

Уже в степях между Доном и Донцом, когда фронт удерживался на одном месте по несколько дней, их отвели на переформирование. Три дня отдыха: дезинфицировать завшивевшую одежду, сменить развалившиеся сапоги и лохмотья на новенькое обмундирование, побриться-постричься, отмыться и отоспаться.

Абрам послал запрос: хотел узнать, где сейчас воюет старший брат Фима. Ответа ждал недели три, они снова уже были в боях. Ему ответили, что сержант Хаим Мошенский погиб в бою, что похоронка и личные вещи пересланы в город Первоуральск, куда эвакуирована его семья.

Так Абрам узнал, что его родители с 13-летним Ароном и 19-летней Симхой успели эвакуироваться.

Стало немного легче – насмотрелся кошмаров на Украине. Только гибель брата легла тяжестью на сердце – они с Фимой были очень близки.

Потом его ранило в ногу. Мышцы порвало, а кость не задело, это был осколочный снаряд. Жутковатый рваный шрам остался на всю жизнь. Но в госпитале настигла новая беда: скрутило болью в животе. Оказалось, прободение язвы желудка. Вот отчего ему

постоянно было больно после еды, хотя никому в том не признавался. Вот язва! Хорошо, что это случилось уже в госпитале! После операции хирург заметил:

– Хорошо, что ты такой тощий, а то бы не успели.

– Доктор, а после операции мне долго придётся выздоравливать?

Хирург рассмеялся:

– Лежать придётся не очень долго, но отвоевался ты, брат, окончательно. Тяжелее ложки тебе теперь ничего поднимать нельзя. Теперь тебе только белый билет светит. Означает – негоден к строевой службе. Вот и радуйся, что жив остался. Нога заживёт быстрее, чем нутро.

И при выписке-переводе в тыловой госпиталь выдал справку: ржаной хлеб запрещается, можно только белый, пшеничный. Видела я эту справку, мама показывала. Только впервые белый хлеб отец увидел через семь лет, в 48-м. К нему, ещё лежащему, пришёл посетитель. Сосед по палате, зайдя из коридора, предупредил:

– К тебе пришли, причешись!

Это у них прикол такой был: у отца волосы были рыжеватые и негустые, да ещё коротко остриженные – их почти не было видно. Зашёл Аркаша Бессмертный, старый друг ещё со студенческих лет. Они не виделись с начала войны. Аркадий сел на краешек кровати, глаза его подозрительно ярко блестели. Высокий широкоплечий красавец в ладно сидящей форме, и чуть не плачет! Он с юности так горячо и преданно любил Виктора (так Абрама называли в их студенческой компании), что был просто поражён, когда узнал, что друг оказался рядом с его воинской частью.

Они проговорили часа три и никак не могли наговориться.

Лейтенантские кубики Аркадия ещё не успели потемнеть, поблескивали в петлицах.

– Ты уже давно лейтенант, Аркаша?

– Недавно, с неделю. Пришлось принять командование ротой, когда командира убили, – это еще месяц назад было. А к званию представили уже потом. Вот, привыкаю. А ребята мои ещё раньше привыкли... Витя, а тебя скоро выпишут?

– Если не будет осложнений, послезавтра швы снимут, потом встану, а там как комиссия скажет. Вот грозятся белобилетником сделать... Обидно. Знаешь, Фима мой погиб...

Через неделю они вдвоём сфотографировались.

Аркадий Бессмертный и Абрам Мошенский

Рота Аркадия ушла на передовую.

Отца комиссовали. Нога зажила, но кроме вырезанного желудка, обнаружился окопный туберкулёз, вскоре перешедший в открытую форму. Из-за него иногда внезапно отец терял сознание, постоянно

кашлял, и очень болело в груди. Пришлось бросить курить. Пульмонолог предупредил:

– Первая же твоя папироса может оказаться последней. Жить хочешь? Тогда бросай дымить.

Весна 1942 года была поздняя. Морозы стояли почти до конца марта. Абрам добрался до Первоуральска. Рива, его невеста ещё с довоенного времени, опередила его всего на несколько дней, уволившись из своего госпиталя-поезда. Она знала о планах Абрама, они переписывались с конца 1941 года. Рива уже начала работать на заводе, который сейчас называется Новотрубным, а во время войны делал РС для «Катюш» и подобную продукцию. По диплому её взяли экономистом в ОТЗ, но ежедневно была и вторая смена, на погрузке и разгрузке товарных вагонов.

Абрама взяли нормировщиком в БТН, от физической работы он был освобождён – на заводе было много таких демобилизованных по ранениям.

В июне 1942 года они поженились. На свадьбу кроме родни Абрама собрались соседи по бараку, они же заводские сослуживцы. Свадьба была весёлая, шумная, с танцами под патефон и угощением. Мама вспоминала, что на каждого гостя пришлось по полной тарелке пшённой каши, по две картофелины и по пол-луковицы. Ну, и разведённый спирт, конечно. И даже сладкий морковный пирог к морковному же чаю

Ещё весной 1942 года заговорили о присылке американских войск в Европу. Вместо войск завезли американскую тушёнку и женские ночные сорочки. Они были такие красивые, с вышивкой и кружевами! У нас их носили вместо вечерних платьев, на зависть подругам, которым они не достались по мануфактурным карточкам. Зато некоторым достались американс-

кие ботинки, высокие, светло-коричневые, со шнуровкой.

В июне положение так и не изменилось. Второго фронта ждали, только о нём и говорили, но снова по карточкам получали тушёнку, ветчину и галеты, но не подмогу фронту. Зимой 1942-43 года тыл голодал. По карточкам выдавали такие крохи, что заводчане падали в голодный обморок прямо на рабочих местах, особенно подростки 13-15 лет. Среди таких голодных фэзэушников был и мой дядя, ему в 43-м как раз было 15 лет.

Весной 1943 года завком нарезал всем желающим участки земли – по одной сотке на семью. Это 10x10 м. Семья Мошенских решила не мудрить: посадили картошку, окантовали её в два ряда, ряд моркови и ряд лука. Это издавна известно: вредитель «луковая муха» отпугивается морковью, а «морковная муха» – луком. Значит, не будет потери урожая, а лук и морковь будут. Но до весны нужно было ещё дожиться. Ещё тянулся декабрь с морозами и вьюгами.

Мать собрала кое-какие вещи из тех, что удалось довести в эвакуацию. В один из нечастых выходных Рива (на шестом месяце) и Симха, одевшись как можно теплее, с узлом, привязанным к санкам, двинулись по окрестным сёлам. Вышли затемно. Как назло, мороз трещал нешуточный. Но неизвестно было, когда в следующий раз будет выходной...

Вернулись к ночи. Вместо узла с тёплыми вещами и вышитыми скатертями к санкам был привязан большой мешок картошки. Когда они, голодные и замёрзшие, затащили мешок в барак, когда обрадованные родители развязали его, оказалось, картошка уже вся проморозилась. Есть её было нельзя... Страшную шутку сыграл 35-градусный мороз.

ЗАПИСАНО НА ОБЛАКАХ

Эссе

Посвящаю моим родителям

Всё, что происходит на нашей Земле, не исчезает бесследно. Все события «записаны на облаках». Они остаются в энергоинформационном поле Земли и когда-нибудь кто-нибудь это увидит и скажет: мне привиделось или?..

1. МЕСТЕЧКО ОЛЬГОПОЛЬ

Шуфманы не любили и не допускали, чтобы их дети жили отдельно от них. Поэтому, отгуляв очередную свадьбу сына или дочери, они пристраивали к дому очередную комнату, чтобы там поместились не только молодые, но и их будущее потомство. В конце концов дом стал самым длинным в Ольгополе. (Ольгополь находится в Винницкой области между Чечельником и Песчаной. Во время войны был местом концентрации и массовой гибели евреев Буковины и Бессарабии. Там было гетто.) После коллективизации здание занял сельсовет, во время войны – немецкая комендатура. После войны опять сельсовет. Я не знаю, сколько там было комнат, но они шли по обе стороны длинного коридора, как в общежитии. Самыми первыми от входа были большая кухня справа и комната родителей слева.

Моя бабушка Хана была одной из 19 детей, где-то в середине, поэтому умела всё по хозяйству и была богобоязненной и терпеливой. Кроме того, судя по фотографии в моём альбоме, она была красавицей.

К концу войны от огромной семьи осталось меньше половины – те, кто успел эвакуироваться и не умерли в эвакуации.

В 1961 году мне было 18 лет и у меня был первый отпуск на заводе. Мама решила познакомить меня со своими родственниками. Мы не поехали в Ольгополь. всё равно там уже никого из семьи не осталось. Мы поехали во Львов к маминой тётке Лее, а потом в Москву, где жили пять кузин и один кузен мамы. Шесть квартир в Москве – это здорово! За десять дней мы переночевали у всех, кое-где по два раза. А по дороге, в поезде, мама открыла блокнот, и мы постарались составить список выживших.

Их оказалось около 60 человек. считая и мужей, жён, детей – Львов, Москва, Кишинёв, Одесса, Омск, Томск, Ташкент, Новосибирск. Херсон... Разбросало по всему Союзу...

2. БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

У бабушки Ханы и дедушки Вольфа было четверо детей: Лейбл (Лёва) родился в 1912 году, Клара в 1913, Фейга (Фаня) в 1915, а Рива (Рая), моя мама – в 1919 году. Детей воспитывали строго – девочки с четырёх лет имели свои обязанности по дому, мальчики помогали мужчинам в дворовых и полевых работах.

Моя мама, кроме домашних работ, с пяти лет пасла гусей, с шести к ним добавили и телёнка. Хана учила дочерей всем видам рукоделия – шить, вязать крючком, вышивать крестиком, ризелье и мережкой, гладью. Стряпня, стирка и уборка вообще были общей и обязательной работой. В 9 лет Рива умудрилась

попасть колхозному быку на рога – не успела с телёнком отскочить в сторону. Рану на боку залечили, но урока она не забыла, всю жизнь потом и близко не подходила к быкам и коровам.

А вот случай, в котором была сама виновата, рассказывала нам с сестрой в назидание

Однажды, закончив шитьё, Рива оставила иголку воткнутой в скатерть, несмотря на строгий запрет матери. Чем-то отвлеклась и забыла. А Хана, сметая ладонью крошки со стола, загнала эту иголку себе в руку. Видимо, игла сразу попала в вену. В сельском медпункте её вынуть не удалось. Запрягли лошадь, поехали в райцентр в больницу. Там поймали иглу уже возле локтевого сгиба. Дома Хана ещё несколько дней ходила с перевязанной рукой, но дочери ничего не сказала. А Рива сама чувствовала себя настолько виноватой перед матерью и всей семьёй, что этот урок запомнила на всю жизнь.

В 1929 году стало совсем плохо. Шла коллективизация. Шуфманы в колхоз не торопились. У них и дома был колхоз. Огромная семья была занята хозяйством, а на собрания и митинги не являлась. Поэтому сначала их ограбили – увели одну из двух коров, угнали часть гусей. Потом подожгли коровник и конюшню. После этого семья никак не могла оправиться.

В селе на них косились. Шуфманы после года учёбы в хедере всех детей переводили в местную украинскую школу. Мотивировали так – обычаи и молитвы ты уже знаешь, читаешь и пишешь прилично, что еврей – давно понял. Но мы живём на Украине, нужно хорошо знать русский и украинский языки, грамотно писать. А идиш оставь на шабат и как домашний язык.

Их считали ещё и кулаками – одна лошадь и одна корова ещё оставались. А как же, если в доме около 20 детей? И гуси были, и куры. А у кого в селе их не было? Работали всей семьёй с утра до ночи, посторонних работников не нанимали. И всё равно кулаки! Лишенцы! Видали, у них дети с холодами в башмаках ходят!

Фаню отправили к бабушке в Молдавию, на Днестр. Клара (ей было уже 16 лет) работала в своём же селе счетоводом. Умница, потому и взяли, да почти без зарплаты. Счетовод – это было престижно, а для девушки почти невозможно. Но, видно, в колхозе лучшего счетовода не нашли...

Лёва уехал в Днепропетровск ещё год назад. Ему тогда было 16 лет. У него в городе были какие-то знакомые, у которых и жил. Как лишенец, он не мог поступить учиться и пошёл работать на завод им. Петровского в доменный цех. Как рабочий, поступил в Металлургический институт.

Позже и Клара переехала в Днепропетровск, работала где-то бухгалтером. С родителями осталась одна Рива. Отец уезжал часто и надолго. Сначала мать говорила Риве:

– Если будут спрашивать, – папа уехал к бабушке и Фане в Молдавию.

Потом уже ничего не говорила. Рая и не спрашивала и сама помалкивала. Характер такой сдержанный – не то, что хохотушка Фаня.

Однажды в середине лета Рая с матерью работали в огороде. Огород был не при доме: им выделили участок довольно далеко в степи, больше двух километров от дома. Поэтому идти туда надо было

очень рано, на рассвете, чтобы управиться до жары. Из дома они вышли, когда на горизонте только показалась маленькая огненная горбушка солнца. Перед выходом мать напомнила:

– Вчера дождь был, земля сырая. Надень башмаки.

Рая удивилась, но молча вынула из сундука башмаки. Летом их надевали только по субботам, но, если мать сказала, надо надеть.

Степь колыхалась полосатым туманом, дальний лес то появлялся, то снова исчезал. Обычно тёмный, сейчас он казался голубым. Уже склонившись на грядке, Рая обратила внимание, что мать как-то неаккуратно работает, что было ей совершенно несвойственно. Вроде, делает всё как обычно, а трава за ней остаётся. Но ничего не сказала: матери нельзя делать замечаний. Чуть позже мать сказала:

– Я сама тут закончу. А ты иди на тот огород, что возле Марголиных. Вот, возьми мешки, нарви травы для коровы. И не забудь захватить своё пальто.

Оказывается, оно было у матери в узле среди мешков. Пальто в такую жару? Рая удивилась, но опять промолчала. Мать знает, что говорит, хотя всю неделю сама не своя. Нервничает.

«Тот огород» был ещё дальше от дома. Трава там росла стелющаяся, в основном, тимьян. Рая заполнила один мешок, начала второй. Уже был пятый час пополудни. Подошла мать. В руках у неё был узел с какими-то вещами и плетёная корзинка.

– Бросай мешки здесь на меже, – сказала она. – Бери пальто, мы идём на станцию.

От Ботвино до станции Апостолово около четырёх часов пешего хода. Солнце потихоньку опускалось ниже, его свет стал оранжевым, дорога сильнее пахла тёплой пылью, с луга ветерок донёс сладковатый запах

медуницы, а колючки чертополоха цеплялись за юбку. Пока дошли, начало темнеть. Мать усадила Раю возле задней глухой стены вокзала на узлы, велела никуда не уходить и зашла в здание вокзала. Рае очень хотелось есть. Время ужина, а они только завтракали на рассвете. Но раз мать не говорит о еде, то и спрашивать нечего.

Уже совсем стемнело, когда мать вернулась. Принесла еду, показала две твёрдые картонки – билеты до Днепропетровска, с дырочкой посередине. Поели, сели в поезд, утром высадились на Лоцманке (так тогда назывался нынешний Южный вокзал).

Поднялись по длинной крутой улочке к трамваю. Им сказали садиться в трамвай № 5, но они вообще впервые в жизни видели трамвай, а цифр на нём было много – и на лобовом стекле, и ниже, и по бокам вагона. Примерно, через час разобрались и, наконец, поехали.

Ситуация была такая. Отец снимал в какой-то комнатухе угол (койку). Лёва снимал угол на другой квартире, возле завода. Клара жила в бывшем чулане при каком-то ЖЕКе, где работала на общественных началах после основной работы. Хане и Рае отец тоже пока снял угол – в доме напротив Строительного института.

3. НЕСЧАСТЬЕ ЗА НЕСЧАСТЬЕМ

Хане было тяжело. Вольф работал чернорабочим на строительстве Транспортного института. Получал мало. Они экономили на всём. Личных вещей у них почти не было, даже посуды не было. Заработок шёл только на жильё и питание. Готовить было негде. Поесть – вообще проблема: собрать семью к обеду каждый день со всего города! Только через несколько

месяцев стало чуть легче: Вольф там же, на строительстве работал уже на двух работах – с утра до обеда чернорабочим, а после обеда продавцом хлебного киоска – за буханку хлеба в день. Ему доверяли, его любили. Он был надёжным человеком, честным и обязательным.

Приехала Фаня, стала работать на том же строительстве, на подноске кирпичей. Ей было 15 лет, но учиться больше она не хотела.

Встретили 1931 год. Семья уже жила вместе, на улице Бородинской. Лёва перешёл на последний курс института, проходил практику на своём же заводе, в доменном цехе. Все говорили, что из него получится хороший инженер. И тут случилось это несчастье. С завода пришёл мастер участка. Рассказал, что прорвало лётку, и газом отравилась вся бригада, восемь человек. Трое из них умерли ещё по дороге в Красный Крест.

До улицы Первозвановской (сейчас ул. Короленко) бежали бегом, но в палату их не пустили. На следующий день умерли ещё трое. На шестой день – ещё один. Лёва держался дольше всех – до восьмого дня. Думали даже, что его удалось спасти. Умер Лёва 16 октября 1931 года. Ему было 19 лет, он не дожил до 20-летия полтора месяца.

Семья была убита горем. Отец так гордился единственным сыном-первенцем, добрым, красивым, талантливым! Он сразу постарел, начал болеть, появилась водянка. При виде молодых парней он падал в обморок. Как мать всё это выдержала? Смерть сына, болезнь мужа – она держалась потому, что три дочери на неё смотрели.

Отца долго лечили. Клара добилась направления на операцию в Харькове и даже бесплатного железнодорожного литера. Первого июня надо было ехать в Харьков. Отца не стало 31 мая 1932 года...

С квартиры на Бородинской пришлось съехать – дорого. Перебрались на Старогородскую (сейчас ул. Светлова). Снимали проходную кухню двухкомнатной квартиры. В самой квартире жила нетипичная еврейская семья с дочкой-проституткой. Через кухню постоянно шастали какие-то подозрительные типы.

Самым ярким событием 1932 года для Раи было то, что она как круглая отличница и общественница попала в состав большой делегации школьников в Запорожье, на открытие Днепрогэса. Свои впечатления она много лет спустя рассказывала с восторгом. И ещё вспоминала, что в этом же году появилась песня «По долинам и по взгорьям».

– Был голод, хлеба не было, сахара тоже. На сладкое пекли брюкву и свёклу. Бывало, соберутся вместе ребята и девчата, поставят посреди стола деревянную тарель с кучей брюквы и поют разные песни. Пили кипяток, заедали овощами – вот и всё угощение. Роскошь. Очень хорошо пел дядя Мотя и сестра тётя Роза из Одессы.

... Уже в конце 60-х Рая, слушая с внуком по радио в передаче «Разучиваем песню» эту старую «По долинам и по взгорьям», даже всплакнула.

Ох, эта проходная кухня, с самодельной лежанкой на четверых, сколоченной (как уж сумели) из старых досок! Вначале думали спать на бездействовавшей русской печи, но там не было спасения от насекомых. Внизу всё-таки легче. У них даже появился стол, выброшенный кем-то на помойку. Пусть колченогий – всё лучше, чем ничего.

А в 1937 году опять случилась беда. Вдруг пришли с обыском. Искали что-то у хозяев, потом в кухне. Велели всем отойти в сторону и спросили, что тут хозяйское, а что их собственное (обыск, конечно, был ночью). Мать ответила, что их только стол, лавка и лежанка.

– А где ваша посуда?

Хана показала на уголке стола, под полотенцем: одна кастрюля, 4 тарелки, 4 ложки, нож.

– И всё? А печь?

– А к ней мы никогда и не подходим. Ею вообще никто не пользуется, только тараканы.

Пришедшие взломали туго закрытое заслонкой устье печи. Из глубины с трудом выволокли несколько глиняных макотр с солью, тоже под крышками. В присутствии понятых макотры разбили. Под закаменевшей солью оказалось... золото! Его было очень много, наверняка больше десяти килограммов, никаких украшений, только монеты и слитки.

А хозяева ходили в обносках!

Все были так поражены, что стояли молча, сами как будто окаменевшие. Хозяева клялись, что это не их золото, что они и знать не знали о нём! Да если бы они хоть подозревали!..

Хану арестовали и увезли. Золото вместе с черепками и солью тоже смели в мешок и увезли. Клара, Фаня и Рая остались одни. Утром с ними никто уже не здоровался.

Через неделю Хану выпустили. Сквозь весь город шла она пешком, денег на трамвай у неё не было. Освободили её утром, дошла к вечеру. Пришла и упала. Били её там, когда допрашивали. Девочки провозились не один час, пока мать пришла в себя, а синяки и ссадины ещё долго не сходили.

А потом экспертиза показала, что этой закаменевшей соли больше двадцати лет. Об этом рассказала хозяйка. Наверняка бывший хозяин квартиры прятал клад ещё во время революции, и никто о нём не знал. Но ведь кто-то разыскивал его, иначе откуда ЧК узнал?

4. ХАТАЕВИЧ

В тридцатые годы первым секретарём Днепропетровского обкома ВКП(б) был Мендель Маркович Хатаевич. До революции зубной техник из Гомеля, член партии большевиков с 1913 года. В гражданскую войну он потерял руку, в Днепропетровске сменил Постышева, потом был вторым секретарём ЦК КП(б)У, постоянно проживая в Днепропетровске. Похоже, он устроил что-то вроде небольшого культа личности в отдельно взятой области: его слово было законом, в области были колхозы его имени, в городе – Дворец пионеров, один из центральных парков (позже переименован в парк им. Чкалова, сейчас парк Глобы).

В начале 1937 года Хатаевич посетил известного украинского историка Яворницкого. В беседе с историком он посоветовал ему к 150-летию города написать книгу "История Приднепровья". Но первый секретарь обкома не учёл, что Яворницкий в то время был уже в опале у высшего руководства.

Хатаевича арестовали в марте 1937 года, а расстреляли уже в августе. Ему поставили в вину не только «преступную связь» с «нелояльным» Яворницким, но и исполнение приказа ЦК ВКП(б) о конфискации богатейшего урожая пшеницы 1936 года на Днепропетровщине. Его же и обвинили в перегибе, вызвавшем голод, хотя приказ ЦК был письменным и недвусмысленным.

Дочка Хатаевича училась в одном классе с Раей. Это был выпускной, десятый класс. Когда отца арестовали, его жена с дочкой переехали из роскошной квартиры в дворницкую, где жене Хатаевича удалось устроиться дворником. С ними не здоровались. Их вообще никто не замечал.

Хана приказала дочке:

– После школы вдвоём придёте сюда. У них даже керосинки нет. Пообедаете здесь и уроки сделаете здесь.

И так, пока не закончили школу. Потом Хатаевичи куда-то уехали из города.

5. ПОСЛЕДНИЕ МИРНЫЕ ДНИ

В конце 1937 года Клара, которой уже было 24 года, вышла замуж за Мотю Гамбурга, своего троюродного дядю, который был всего на пять лет старше её. Дважды она беременела, и оба раза на сроке 10-15 недель получались выкидыши. Отчаявшись, обратились к знаменитому доктору Носарю – на него молилось всё женское население города. Бывший терапевт, он после смерти жены во время родов переквалифицировался в акушера-гинеколога и вскоре стал светилом в этой области. К нему приезжали со всей Украины.

Третья беременность Клары с самого начала проходила под контролем Носаря, и в начале 1940 года родилась чудесная девчоночка, рыжая, как Мотя, и черноглазая, как Клара, радость не только родителей, но и всей семьи, и особенно бабушки Ханы, которая только что не облизывала любимую внученьку.

Рая в 1938 году поступила в Индустриальный техникум. Сначала на электротехническое отделение, куда девочек не брали. Учиться ей очень нравилось, её

даже выбрали старостой группы, единственную девочку на отделении! Но на втором курсе выяснилось, что это очень тяжело – начались спецпредметы, и обещали, что дальше будет ещё тяжелее. Тогда она перевелась на экономическое отделение.

*Хана (в центре) с дочками – Фаней и Раей,
апрель 1941 г.*

Образовалась дружная весёлая компания. Девочки познакомились и подружились с хорошими парнями. Фима Кержнер из Metallургического института, длинный голубоглазый очкарик, сразу влюбился в Веру Лейтес – ухаживал трогательно и красиво.

Рае понравился Абрам Мошенский с их же экономического отделения, он был старше её на 4 года, но учился курсом младше. Юморист и заводила, его все

называли Буся, как и в его семье с детства (Абрам – Абуся – Буся), и ещё почему-то Виктором. Не знаю, почему, но и после войны его тоже многие звали Виктором.

Аркаша Бессмертный из Строительного института, как приклеился к Любаше, так и прикипел на всю жизнь.

Абрам Мошенский, 1939 г.

Темой своего дипломного проекта Рая выбрала «Экономику работы бессемеровских печей». Это было рискованно, но именно тем и привлекало. В 1941 году тема была абсолютно новой – такие печи только-только появились на Петровке. Не было ни литературы, ни методик расчётов. Временами руководитель проекта хватался за голову, но упрямая студентка всё-таки сделала блестящую работу, замучив на заводе всю экономическую службу. Черновик расчётной части проекта заводчане выпросили для себя.

6. ВОЙНА

В последних числах июня 1941 года Абрама и Аркадия призвали в армию. Фима был белобилетником: без сильных очков практически слепой. Фаня, старшая сестра Раи, ещё с 1939 года работала санитаркой в каком-то гарнизоне на Западной Украине, а с началом войны оказалась под Волоколамском, на шофёрских курсах (см. рассказ «Как из меня не получился шофёр»).

Рая заканчивала дипломный проект и училась на курсах санитарок. Её приписали к такому же поезду, который так хорошо описан у Веры Пановой в «Спутниках» и в фильме по этой повести «На всю оставшуюся жизнь». Фашисты уже бомбили город. В день защиты диплома оказалось, что здание Индустриального техникума почти полностью разрушено. Защиту перенесли в одну из аудиторий Металлургического института. Рая только успела развесить на доске чертежи, таблицы и схемы, как взвыла сирена воздушной тревоги. Защищалась она уже в бомбоубежище, по памяти. Диплом выписали тут же на месте, а назавтра, 9 августа, в день своего 22-летия, она уехала на том самом поезде с красными крестами на крышах вагонов, забитом ранеными. Уехали буквально из-под носа у фашистов, которые как раз 9 августа заняли город.

Первыми из нашей семьи погибли бабушка Хана и Клара с полуторагодовой дочкой. Их просто выгнали из квартиры во двор и тут же расстреляли. Это уже потом фашисты устроили в Днепропетровске свой «Бабий Яр» – в овраге Ботанического сада.

Санитарный поезд загружался ранеными на передовой. Уже на ходу оказывалась первая помощь, делались срочные операции. Состав постоянно бомбили: фашистские лётчики специально целились в красные кресты. Комендант состава, старый хирург, высокий, худой, седой, всегда державшийся очень прямо, держал в строгости и медицинский персонал, и паровозную бригаду, и ремонтную бригаду поезда, которой доставалось не меньше, чем медикам – от срочного ремонта пути и вагонов после бомбёжек до не менее срочного изготовления носилок, которых всегда не хватало.

Врачи, медсёстры и санитарки падали от усталости, иногда засыпали после смены где придётся, не успев дойти до своего вагона. У Раи от постоянной стирки бинтов и мытья вагона, от хлорки и щёлоча появились язвы на руках. Экзема. Лечить было нечем и некогда, язвы разъели кисти рук, а Рая боялась кому-нибудь сказать и молча терпела. От боли в руках даже спать было невозможно. Наконец, её мучения были замечены бабой Шурой, старой санитаркой. Она напустилась на девушку:

– Чего ж ты молчишь?! Руки угробишь – других не выдадут! Хочешь народное средство? Я это делала ещё в первую мировую. – И посоветовала: – Пописай на руки, только не вытирай, а стряхни и дай просохнуть. Через полчаса вымоешь со спиртом и смажешь глицерином.

За неделю руки зажили.

7. В ТЫЛУ

Весной 1942 года Абрам после операции, с белым билетом добрался до Первоуральска. (см. рассказ «Прошлыми дорогами»). Рая опередила его всего на несколько дней, уволившись из госпиталя, и уже успела начать работать на заводе, который делал РС (реактивные снаряды) для миномётов «Катюша» и другую подобную продукцию. По диплому её взяли в плановый отдел экономистом, но ежедневно была и вторая смена, на погрузке и разгрузке товарняка. Абрама взяли в БТН (бюро технического нормирования). Физическая работа ему вообще запрещалась.

В июне 1942 года сыграли свадьбу. Собрались родня и заводские друзья, они же соседи по бараку. Были танцы под патефон, песни и угощение. Мама

вспоминала, что на каждого гостя пришлось по полной тарелке пшённой каши, по две картофелины и по пол-луковицы. И селёdochка. И разведённый спирт, конечно. И даже пирог со сладкой морковкой к морковному же чаю.

В 1943 году в плановом отделе праздновали 8 Марта после работы, сдвинув столы и освободив место для танцев. Раю пригласил Вячеслав Карлович, её начальник. Во время танца она, жутко смущаясь, сообщила ему, что завтра на работу не выйдет – уходит в отпуск.

– Как это? – возмутился тот. – Я тебя не отпускал! Работы полно, квартал заканчивается... и не забывай, время-то военное!

– Придётся отпустить, – пожалала плечами Рая. – Я в декрет уйду.

– Не может быть! Ну-ка, повернись... Совсем не видно. Ну, может быть, поправились чуток... Какой декрет? – вдруг взорвался он. – Разыгрываешь?

– Больничный лист уже выписан. Как положено, на две недели. У вас на столе лежит.

Очень хотели мальчика, думали назвать Виктором, а родилась я. В это время многим детям давали имена Виктор и Виктория. Фронт уже откатывался на запад. Страна жила ожиданием победы. Да и родилась я как-то неожиданно. Думали, в запасе есть ещё несколько дней.

Электричество в посёлок давали только на ночь, днём всю энергию брал завод. Поэтому по ночам готовили еду, стирали, гладили, убирали. Свекровь с невесткой как раз затеяли большую стирку. Около половины седьмого утра Рая пожаловалась на боль в пояснице. Болело ещё с вечера, но она терпела, а тут терпение кончилось. Ещё в шесть утра ушли на завод

рабочие – Марк, Сима и Арик, а в семь должен был уходить Абрам как служащий.

– Буся, беги скорее за врачом! – торопливо распорядилась моя будущая бабушка Лиза. – А ты, Рая, ложись. С остальным сама управлюсь, осталось дополоскать и развесить на чердаке.

Папа бегом бежал эти два километра до завода по сугробам через лес. Сугробы были почти в рост человека, по узкой тропинке люди шли, как по окопу. Вереница служащих растянулась на добрую сотню метров, но его пропускали, узнав причину.

Пока он в заводской больнице вызывал доктора, пока запрягали лошадь, пока приехали в посёлок, бабушка меня уже приняла, обмыла, запеленала. Доктору осталось только осмотреть мать и ребёнка, выписать справку для ЗАГСа: 7.20 утра, девочка, живая, жизнеспособная. Ни роста, ни веса...

Когда мне было чуть больше года, отец опять тяжело заболел. Окопный туберкулёз перешёл в открытую форму, стало подводить сердце. А тут ещё выяснилось, что мама снова беременна. Это было ужасно. Избавляться от беременности – подсудное дело, об этом и думать нельзя было. Рожать в голодной жизни, с больным мужем и маленьким ребёнком – тоже ничего весёлого...

Может быть, оттого, что ребёнок был нежеланный, Аня и родилась в апреле 1945 года даже не просто болезненной, а... как мама нам спустя много лет рассказывала:

– Мешок из морщинистой кожицы с гремящими косточками, фиолетовая и ярко-рыжая в придачу, прямо апельсиновые лохмушки. Дедушка к ней даже подходить не стал, сказал:

– Это не жилец на белом свете, вот-вот помрёт.

У Ани была так называемая «младенческая» – это что-то вроде эпилепсии у новорожденных, и кричала она непрерывно, круглосуточно, как будто у неё внутри всё болело. Всю семью замучила и соседей тоже.

Одна из соседок пожалела:

– Дай хлебную карточку за два дня, я тут одну бабку знаю, пусть пошепчет.

Не знаю, что там бабка шептала, но при этом чуть ли не по десять раз окунала орущую девочку то в корыто с холодной водой, то в другое корыто с сильно тёплой, да ещё в этих водах плавали какие-то травы и корешки. Это соседка подсмотрела в замочную скважину и рассказала маме. И ведь вышептала что-то эта бабка! Крики прекратились, приступов больше не было, и девочка быстро начала набирать вес. Ане тогда было 4 месяца.

Уже лет через двадцать мы узнали, в чём было дело. У мамы был отрицательный резус крови, и второй ребёнок вообще не должен был выжить. А резус-фактор был открыт только в 1948 году. До тех пор никто не знал, почему у женщины при первом здоровом ребёнке остальные дети умирают, едва родившись.

Аня выжила, только у неё была «волчья пасть» (отсутствие верхнего твёрдого нёба), которая должна была сочетаться с раздвоенной «заячьей губой», но губы ребёнка были нормальными. Из-за этого нёба Аня начала говорить только в три года, и то только гласные звуки. Только мы её понимали иногда.

Но пока ей надо было выжить. Молока у мамы не было. В очереди к единственной на нашей улице корове наша семья получала раз в неделю пол-литра молока всего за однодневную хлебную карточку служащего. Бабушка выкормила Аню перловкой.

Перловку у нас называли «шрапнелью». Варить её надо было очень долго, 3-4 часа, а потом ещё закутывать в старый ватник, чтобы «дошла». Это скользкое варево спасало наши жизни, но я до сих пор не переношу ни вида, ни запаха перловой каши. Это не то, что моя любимая пшённая каша, жёлтая, как солнышко, нежная и рассыпчатая.

Отдельно для Ани бабушка брала горсть перловой крупы и варила её в 3-литровой кастрюле всю ночь – шесть-семь часов. Это была порция на весь день – очень жидкий кисель, примерно литра полтора, без соли или сахара. Зато Аня росла как на дрожжах.

*Вика и Аня,
октябрь 1945 г.*

8. НАШИ СОСЕДИ

Работал на нашем заводе инспектор по технике безопасности Зырянов. Должность, конечно, склочная, да и характер у него тоже неважный. На заводе

Зырянова боялись и не любили не только подчинённые и проверяемые, но и вообще почти все.

Жена его была под стать ему. Первая его жена умерла, оставив сына. К тому времени, когда Зырянов женился вторично, мальчику было лет 15, а её сыну от первого брака – семь. Они занимали в трёхкомнатной коммуналке с чуланом и большой кухней самую большую комнату. Во второй комнате жила пожилая пара – мастер механического цеха с женой. В третьей комнате жильцы всё время менялись.

Зыряновой очень хотелось получить эту третью комнату. Она выживала своих соседей одного за другим, изобретательно и упорно, с ней не уживался никто, её считали змеей подколодной, но завод всё-таки комнату ей не отдавал. Очередь из тех, кто жил в тёмных мокрых подвалах и на продуваемых чердаках, была огромной.

Большая семья Мошенских, восемь человек, вначале жила в барачном посёлке, в одной комнате. В 1945 году в соцгород отселились вчетвером: папа, мама и мы с Аней. Нам выделили эту третью комнату и предупредили: комната небольшая, но хорошая, сухая и светлая, кухня на три семьи просторная и даже удобства в квартире, но... соседка змея. Вы с ней не живётесь.

– Ничего, – сказала Рая, – попробую.

Она предупредила Зырянову:

– Вашим балконом я пользоваться не буду. Я к вам не хожу, вы ко мне тоже не ходите. Единственное – я буду пользоваться телефоном.

Телефон в коммуналках был на особом положении, он был общим, и даже начальство не имело преимущества.

Чулан, служивший в прежние времена комнатой

для прислуги, с маленьким окошком под потолком, Зырянова спешно загрузила картошкой, боялась, что семья с двумя детьми потребует его себе. Рая заняла под картошку бездействовавшую с начала войны ванную комнату.

На удивление всем, жили они мирно, без ссор и склок, без единого скандала. Умела Рая гасить конфликты!

Когда стало видно, что Зырянова беременна, Рая предложила:

– Даю вам слово, что ваш чулан забирать я не собираюсь. Уберите оттуда картошку, сделайте комнату для вашего старшенького. Мальчик сможет там и спать, и заниматься. А картошку можно держать в ванной.

Зырянова согласилась, к величайшему удивлению всех, кто знал её. Ванну разделили фанерой. Всё поместилось.

Два с половиной года, до середины 1947-го жили, как говорится, душа в душу. Последний год мама там оставалась только со мной. Об этом я расскажу позже. Собираясь возвращаться из эвакуации домой, на Украину, она предупредила свою подругу Риту Люцедарскую, которая жила с дочкой Милой в ужасных условиях. Завод передал комнату им.

Как отреагировала Зырянова на подмену соседки, мама так и не узнала. Маргарита с Милой часто ночевали у неё, когда папа с Аней уехали, и когда чердак Люцедарских заносило снегом, а в последний перед отъездом день перенесли чемоданчик с вещами и остались. Мебели своей у них не было. Рая оставила им стол, пару табуреток и кровать. Другой мебели у неё самой не было, даже шкафа.

Расстались они с Зыряновыми большими друзьями. На заводе поговаривали, что Зыряновы вообще должны были скоро уехать на новое место работы инспектора.

А теперь – почему мы с мамой остались вдвоём.

В октябре 1946 года мама с папой и нами, двумя малышками, собирались возвращаться в Днепропетровск. Уже уволились с завода, собрали вещи – да сколько их было-то, тех вещей! Мама поехала в Свердловск за билетами.

На вокзальной площади к ней пристала цыганка:

– Позолоти ручку, чернявая, погадаю!

Мама, с детства досмерти боявшаяся цыган, отшатнулась:

– Не надо! Я не хочу!

И бегом поспешила к билетной кассе. Вслед ей цыганка закричала:

– Всё равно до Москвы не доедешь!

Мама оцепенела: откуда она знает про Москву? Неужели они и вправду все колдуньи?

Вопреки её опасениям, билеты она купила без проблем. Немного успокоилась. Но приехала домой, и тут выяснилось, что меня прямо из детского сада отвезли в больницу. Я второй раз заболела скарлатиной. Видимо, в первый раз, год назад, болезнь прошла в лёгкой форме и иммунитета не получилось. Папа с полуторогодовой Аней уехали, а мы с мамой остались. Цыганка оказалась права. Мама запомнила это на всю жизнь и всегда молча шарахалась от каждой пёстрой юбки.

Два месяца пролежала я в больнице. Это была очень тяжёлая форма. Мама снова вышла на работу, по временному допуску. Сначала ей сказали, что я вряд ли выживу. Потом я всё-таки оказалась живой, но было

опасение, что останусь слепо-глухо-немой. Представляю мамино состояние...

Рабочие из дедушкиного цеха на резино-техническом участке ещё в начале войны втихомолку сделали несколько маленьких пресс-форм для вулканизированной резины. Из отходов резины они отливали для детей заводчан нехитрые игрушки. В больницу дедушка принёс мне чёрного резинового котёнка – усы враспырку, хвост трубой. Я с ним потом лет до десяти игралась, пока сестра с кем-то во дворе променяла моего котика на какую-то ерунду.

Из игрушек у нас ещё был большой целлулоидный попугай. Внутри у него гремел сухой горох. В магазине их продавали не больше десяти на покупателя. Папа принёс эту разноцветную стаю, девять разломали на гороховый суп, а десятый остался нам на многие годы, им и мои дети игрались.

В конце концов, я осталась живая и с полным комплектом ощущений – видно, Бог берёт для чего-то... Только организм не принимал никакой пищи. Бабушка откармливала меня, как утку: зажимала пальцами одной руки мои ноздри, я открывала рот, а в другой руке уже наготове ложка перловки. Кое-что из неё внутри меня, конечно, оставалось.

Скоро стало заметно, что я выздоровела. Бабушка и Сима уехали в Барнаул, дедушка к тому времени, недолго проболев, умер. Самому младшему брату отца Арику исполнилось 19 лет и его призвали на флот.

Мы с мамой остались вдвоём. После работы мама забирала меня из садика, мы обедали в заводской столовой: на первое пшённый суп, на второе пшённая каша, на третье овсяный или яблочный кисель. И шли домой. Уже будучи взрослой, я поняла: мама в обеденный перерыв не ходила в столовую, берегла

талон на вечер и делила обед на двоих. Наверное, хорошо, что я тогда плохо ела.

Все вечера проходили одинаково. Мама топила печь, тихонько насвистывал чайник, так же тихонько бормотало радио – чёрная «тарелка» на стене. Мы пили морковный чай с ломтиком чёрного хлеба. По отрывному календарю мама учила меня читать. В 4 года ребёнок очень прочно всё запоминает – в самом деле, ошибка в слове делает это слово некрасивым. каким-то перекошенным. У меня на всю жизнь сохранилась настоящая идиосинкразия на описки и опечатки, меня буквально передёргивает от них.

В календаре были листки с непонятными статьями, я их прочитывала и тут же забывала. Но были и стихи, которые, будучи хоть пару раз прочитанными, запоминались. Оказалось, на многие годы. Смешные детские и серьёзные взрослые. Смешной «дворовый мальчик» с Жучкой – Пушкина и поразившие меня «Песня о Буревестнике» и «Песня о Соколе». Фамилия у писателя была невкусная – Горький – и это тоже запомнилось.

Можно отметить и большой минус раннего неконтролируемого чтения. Слова запоминались сразу и прочно, но вслух я почти не читала, сразу перейдя на быстрое чтение «про себя». Некому было исправлять мои неправильные ударения. Так что при устной речи я и сейчас, хоть и редко, ставлю ударения не там, где нужно.

...Вот моя фотография – я под ёлкой. Это новый 1947 год. Люцедарские пригласили нас к себе. Моей старшей подружке Миле уже десять лет, а мне скоро четыре. Они живут на чердаке. Окно, чтобы не очень засыпало снегом, заткнули подушкой. Конечно, стало темно, но керосиновая лампа-то горит!

Маргарита сказала маме:

– Ничего особенного не приноси, только сырую вермишель..

Это для «наполеона». Его делали так: один корж из овсяной муки, один из пшеничной. И так три раза. А так как пшеничной муки не было, пропускали через мясорубку вермишель. Вместо крема – тушёная тёртая морковь.

К июню 1947-го я уже прилично читала и даже писала папе письма в 2-3 строчки печатными буквами. Он их потом много лет хранил.

Осенью мама снова уволилась с работы, и мы уехали. Как до Москвы добирались, не помню. Зато помню, как в Москве нас встретил дядя Мотя Гамбург. После гибели Клары и маленькой дочки он в 1945 году женился на маминой кузине Мане, и у них уже была маленькая Жанна. Жили они в Москве.

Дядя Мотя, высоченный и худой, с орденами на гимнастёрке, поднял меня на руки. С этой высоты я видела всю толпу на платформе. Видимо, меня оглушил шум, и я испугалась, потому что расплакалась и мама меня забрала.

*Матвей Гамбург,
15.07.1945 г.*

По специальному талону-пропуску она купила билеты до Днепропетровска и сразу послала папе телеграмму. Дядя Мотя устроил нас в плацкартном вагоне и снова расцеловал. Я видела, как он передал маме фото – сейчас я смотрю на них, таких молодых...

В Днепропетровск поезд пришёл рано утром. Папа нас встретил. Аня была в яслях. Мама взяла меня на руки, папа нёс чемоданы. Я впервые в жизни увидела трамвай и не хотела в него заходить, плакала и вырывалась. Поэтому мы пошли пешком по длинному проспекту, где дома были разрушены или в строительных лесах – до улицы Ленина и ещё три квартала вверх.

Мы вошли в дом, и я увидела такую маленькую комнатку, каких раньше и не видела. Когда мы стали старше, родители рассказали, что дом, где папа жил до войны, оказался разрушенным. На его месте уже кто-то застроился – это был район частных домов. Мамин дом тоже оказался грудой щебёнки, а к приезду папы там уже рыли котлован под большой многоквартирный дом.

В райисполкоме папе сказали:

– Жильё ищите сами, и мы вас там пропишем.

Это было нелегко. Тысячи людей возвращались на руины довоенной жизни. Город был похож на разорённый муравейник. У кого были силы и возможность, строили времянки в частном секторе из чего придётся. Папа, больной и с малышкой на руках, не мог этого сделать. Он устроился на работу в артель местпрома «Большевик», где делали мясорубки, чугунные печки-буржуйки и прочие нужные в хозяйстве вещи. Его взяли нормировщиком, у него уже был опыт. Аню определил в ясли, и все вечера они проводили вдвоём.

Жильё, которое он нашёл, представляло собой

чулан трёхкомнатной квартиры. Пробил в наружной стене окно величиной с двойной тетрадный лист, очень высоко: высота 8-метровой комнаты была 4 метра. Мама сказала:

– Места нет, зато воздуха много.

Там же была печь с грубой, которая отапливала не столько наш чулан, сколько гостиную хозяев.

Для топлива был закуток в общедворовом сарае, поделенном на клетушки по числу квартир, дворовая уборная через два двора, в третьем. Зато в тамбуре нашей квартиры водопроводный кран, правда без отлива, с ведром под раковиной.

В самой квартире жили мать с дочерью, у них были две маленькие спальни и большая гостиная. Они были вне себя из-за того, что их «уплотнили», отобрав чулан, и тем более что это семья с детьми. Хозяйки были ухоженные, красиво одетые, дочери было лет сорок. Они категорически отказали моему отцу в отдельном ордере на жильё, и с 1946 по 1957 год наша семья оплачивала квартиру и коммуналку пополам с основными съёмщиками.

9. ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА

По приезде в Днепропетровск маме не сразу удалось найти работу. Опять аукнулась война. Дело в том, что после первого декретного отпуска её перевели из планового отдела в ОТЗ (отдел труда и зарплаты). Начальником у неё был чех Вячеслав (на самом деле Вацлав) Карлович Вильчинский, практик с гениальной головой и богатейшим опытом.

Примерно за год до того на их завод с другого предприятия перешёл Манзюк, который знал Раю ещё по её дипломному проекту. Он был тогда начальником

ОТЗ на трубопрокатном заводе и консультантом её диплома. В Первоуральске он надеялся выжить Вильчинского, но у него это не получилось. Манзюка взяли простым нормировщиком в цех, что его оскорбило несказанно. Ещё больше его уязвило, что именно Рая, кроме основной работы, заведовала хлебными карточками. Они выдавались строго по штатному расписанию, и Манзюк даже багровел, когда ежемесячно расписывался за них у своей бывшей студентки.

Когда мама, уже в Днепропетровске, получила направление на Трубопрокатный завод, Манзюк ей это припомнил:

– В ОТЗ не возьму, только нормировщиком в цех.

– Нет, я трудовик, я работы нормировщика не знаю.

– Всё равно в ОТЗ не возьму. Вы работали у Вильчинского.

– Так что, я мало знаю?

– Вы слишком много знаете.

И дал открепление.

Мама поехала на завод им. Карла Либкнехта. Там, узнав, что она работала у Вильчинского, взяли сразу и зарплату обещали по высшей категории. Но дома отсоветовали: транспорт в 1947 году через Днепр очень плохо ходил – был восстановлен только железнодорожный мост, а деревянный, наведенный сапёрами ещё в 1943 году, при форсировании Днепра, не справлялся. По нему пускали только грузовики и пешеходов. Значит, эти 2 км надо было или идти пешком, или ловить попутки. На носу была зима и дочки, как нарочно, по очереди простужались.

А тут по городскому радио объявили о наборе рабочих и служащих на только что восстановленную швейную фабрику. Так мама и попала на Володарку.

От улицы Ленина до Баррикадной всего 20 минут пешком. Ну, ещё меня завести по дороге в детский сад на Плехановской, во дворе бывшей маминой школы, а потом Аню в фабричные ясли на ул. Ширшова, всего в квартале от фабрики. За час всё успевает.

Наш садик занимал одноэтажное здание, замыкающее с улицы большой школьный двор. Само здание школы, высокое и обгорелое, зияло проёмами окон и дверей. А кроме наружных стен, там ничего и не было, фугаска прошила дом от чердака до подвала. Мы там играли, когда взрослые не видели – в кучах щебня можно было найти и сломанный ржавый штык, и помятую каску, и очень много гильз от патронов (у нас вечно были полные карманы этих гильз).

*Вика (3-я справа) на празднике в детском саду,
7 ноября 1947 г.*

Во дворе поставили пару качелей и грибок над

песочницей. Ещё по краю росли какие-то колючки: не то крапива, не то чертополох. А в помещении у каждой из трёх групп была одна-единственная большая комната. Она же и игровая, и столовая, и спальня. Для дневного сна выносили из-за шкафа «дачки» – деревянные козлы, обтянутые парусиной. Тогда столики, где мы ели и играли, задвигали в другой угол.

Но как же преображалась комната в праздники! Мы сами перед Новым годом клеили игрушки для ёлки и цепочки-гирлянды, заворачивали орехи в фольгу и нарезали мишуру из неё же. Для танцев мамы шили нам полотняные тапочки и марлевые крахмальные пачки.

*Вика (7-я слева) в группе девочек.
Новый год в детском саду, 1948 г.*

Конечно, самое прекрасное в нашем садике – это наша воспитательница Зинаида Николаевна. Мы даже были уверены, что это её дом, и очень удивились,

когда с подружкой Томой Диновой и с нашими мамами были приглашены к ней домой, а не в садик! Нас завораживал её голос – звучный и нежный, она была высокая, статная и красивая, хотя, конечно, старенькая (как я теперь понимаю, ей было лет 45). Тёмные волосы с седыми прядками заплетены в толстую косу и уложены короной, большие тёмные ласковые глаза и чудесная улыбка.

Уже потом я узнала, Зинаида Николаевна во время войны в один день получила две похоронки: погиб муж, кинорежиссер-документалист Рудковский и сын, 19-летний солдат – на разных фронтах. После войны она переехала из Москвы в Днепропетровск, где жили её сёстры Клава и Лида и брат Борис, все старше её. Я с ними познакомилась, уже будучи взрослой, часто бывала у Зинаиды Николаевны: по праздникам, в день рождения и в день именин (я тогда впервые узнала, что это разные даты). Собиралась весёлая компания – сёстры с мужьями, Борис с женой, подруга Зинаиды Николаевны, Тамара Ивановна, очень подвижная и активная старушка 94 лет. Все любили и выпить, и закусить, и попеть, и потанцевать, и подурачиться, что меня вначале удивляло. Чудесные были люди!

В наш садик часто приходили комиссии: из района, из горно, ещё какие-то. Наверное, садик был на хорошем счету. Зинаиду Николаевну вызывали к директору, потом она что-то писала на листке бумаги, а после этого отрывала нас от игры и сообщала:

– Сейчас к нам зайдут две тёти и дядя. Вы покажете им всё, что вы умеете. Тома, скрипка у тебя с собой?

– Да, мама утром её оставила в кабинете директора.

– Хорошо, я сейчас её принесу. Вика, а тебе я сейчас прочту стихи, ты их выучишь и расскажешь.

Она читала мне дважды 1-2 четверостишия, только что написанные. Я их читала наизусть, с выражением. Учить стихи было легко. В нашей группе каждый что-нибудь умел: петь, танцевать, или садиться на «шпагат». За пианино – сама Зинаида Николаевна. Такие концерты-экспромты проходили часто, и мы к ним привыкли.

Зато я медленнее всех ела. Уже группа вышла из-за стола, уже нянечка расставляет «дачки», а у меня ещё полный рот каши, и я никак не могу её проглотить. Издержки той скарлатины. И наказывали, и оставляли за столом – ничего не помогало, я ложилась спать с кашей за щекой. И ещё беда – заставляли есть творог, а я его не переносила. Зинаида Николаевна, посмеиваясь, при гостях, мне, уже 30-летней, напоминала:

– Викочка, ты почему творог не ешь?

– А у меня от него глазки потеют!

В пятом классе, когда соединили мужские и женские школы, подошёл ко мне худенький чернявый мальчишка, вроде бы смутно знакомый:

– Привет, Вика! Ты меня помнишь?

– По-моему, я тебя где-то видела, но... нет, не помню.

– Эх, ты! Мы же в садике были в одной группе! Ты хоть к Зинаиде Николаевне ходишь?

– Нет, в первом классе ходила, а потом всё времени не было.

– А я хожу почти каждый день. Пойдём сегодня вместе?

– Сегодня я не могу, мне на музыку. А завтра ты пойдёшь?

– Да. Значит, завтра. Не забудь.

Оказывается, он помогает Зинаиде Николаевне управляться с малышами. Их после дневного сна и умыться надо, и накормить, и одеть на прогулку, и поиграть с ними во дворе.

– Понимаешь, ей же тяжело одной, в этом году у неё малышовая группа.

И мы стали ходить вдвоём.

В одном из разговоров, уже будучи взрослой, я узнала, что Зинаида Николаевна, вслед за старшими сёстрами, училась в Московском институте благородных девиц. В революцию ей было 14 лет, и образование она закончила уже после гражданской войны в МГУ на филфаке. У неё осталось и знание французского и немецкого языков, умение играть на фортепиано и петь, сочинять стихи. Она учила нас разным видам рукоделия. Мы сами делали себе игрушки и наглядные пособия, рисовали и лепили игрушечную посуду.

Мама уже к пяти годам научила меня вязать крючком. Одной из моих обязанностей дома было обвязывание носовых платочков. Мама покупала однотонный ситец, разрезала по 6 платков на каждого. Для папы нужно было просто подрубить в один ряд, для нас с сестрой и для мамы – простенькое кружево в 3-4 ряда.

По предложению Зинаиды Николаевны многим девочкам купили вязальные крючки, и она их тоже учила.

Кстати, к нам присоединились и некоторые мальчики, и у них получалось не хуже.

10. КНИГИ И ПИОНЕРЛАГЕРЬ

Чёрная «тарелка» репродуктора на стене над родительской кроватью никогда не выключалась. Правда, и не орала: чуть громче нижнего предела слышимости, а когда хорошая музыка или радиоспектакль – залезаешь на кровать и увеличиваешь громкость. В 6 утра нас будил Гимн, в 12 ночи тарелка желала нам спокойной ночи. Но чтобы её выключали – нет, такого не помню.

В начале марта 1953 года у меня, как всегда весной, была ангина. И по радио услышала о смерти Сталина. Я прорыдала весь день. Когда родители пришли с работы, меня удивило, что они не плачут. Но на мой вопрос они не ответили, только переглянулись.

У нас в семье было строжайшее правило: всё, что говорится в доме, нельзя выносить наружу. Раза два меня даже наказывали, когда во дворе я что-то разболтала девчонкам. Не били, конечно, меня в жизни никто пальцем не тронул. Самое тяжёлое наказание было: не будешь вечером читать! – и забирали книжку. Это было ужасно: с пяти лет у меня началось (по словам папы) запойное чтение. Меня записали в три библиотеки: в детскую районную и на работе у мамы и у папы. Родители даже думали, что я просто пролистываю книги, им приходилось прочитывать их самим и потом расспрашивать меня. Может быть, поэтому я так полюбила пересказывать прочитанное: подробно, захлёб, с комментариями и отсебятиной, если мне казалось, что автор что-то упустил.

Первой книжкой, которую мама принесла из библиотеки, была «Козетта» Гюго, потом «Гаврош». Это были изданные Детгизом главы из романа, в мягких

обложках и с цветными картинками, уже довольно зачитанные. Мне ещё и шести лет не было. А первая подаренная на день рождения книга – «Избранное» Агнии Барто, 1948 года издания, без единой картинки, и сейчас стоит в моём шкафу. Я до сих пор почти наизусть помню каждое стихотворение. Потом самыми любимыми были сказки Пушкина.

А географии начала учиться во втором классе, когда мне подарили «Дети капитана Гранта», и в школе потом это был любимый предмет, да и сейчас люблю путешествовать по карте.

Несмотря на стеснённость и бедность, родители старались не оставлять нас без развлечений. По воскресеньям мы все вместе ходили в кинотеатр «Победа», а потом гуляли в парке Чкалова – огромном, с детской железной дорогой, большим озером и лебедями на нём. Я понимаю родителей, им тоже хотелось простора после нашей тесной клетушки.

На лето нас с Аней отправляли в пионерлагерь. На берегу тихой Орели, за околицей маленького плодово-овощного колхоза, стояли, огороженные низким штакетником фанерные бараки для среднего и старшего отрядов, мазанка с магазинчиком снаружи для младшего отряда и отдельно, за таким же штакетником – такой же фанерный барак для детского сада, который тоже летом выезжал «на дачу». Швейная фабрика хорошо заботилась о детях, ведь в основном там работали женщины!

Чтобы выделили путёвки в лагерь на все три сезона! Сразу для двух девочек! – неслыханное дело – мама в нерабочее время делала финансовые отчёты для фабкома профсоюза и даже для фабричной поликлиники. Вечно ночами горела лампа, вечно корпела мама над длинными колонками цифр и вечно

сквозь сон прорывалось щёлканье костяшек старых потемневших счётов и треск такого же старого арифмометра «Феликс». Через много лет на этих счётах, как на роликах, катались мои дети и внуки, вплоть до отъезда в Израиль.

В пионерлагерь везли нас 80 км в открытых полуторках. Скамейками было плохо оструганные доски. Их надо было накрывать мешками, чтобы дети не позагоняли занозы в самые интересные места. На обратном пути в эти же мешки грузили картошку и овощи для фабричной столовой – всё это фабрика покупала в этом же колхозе. Очевидно, это было выгодно и колхозу – к нам, пионерам, в селе относились очень хорошо. Мы и в поле помогали, и в силосных ямах кувыркались, прессуя траву, которая сыпалась непрерывной струёй из силосорезки нам на голову.

Это было здорово, и отряды соревновались за право между завтраком и обедом поработать «на силосе». Разве это была работа? Мы прыгали с трёхметровой высоты в толщу мягчайшей пахучей травы, бегали в догонялки, кувыркались и боролись в шутку, приминая массу тощими тельцами, а трава всё сыпалась и сыпалась. Часа через два нас уже за руку вытягивали из ямы, поили молоком со свежим хлебом, угощали яблоками и вишнями из больших корзин, и мы с полными панамками гостинцев возвращались в лагерь.

Для нас, вечно голодных, таскающих ломти хлеба из столовой, это было как праздник. И ещё мы работали в саду колхоза им. Тельмана – огромные яблоневые сады, огромные корзины, опьяняющий запах яблок... Сад находился на другом берегу Орели.

Часть детей шла вброд чуть ниже по течению, а старшие ребята с высоченными стопками пустых корзин – на пароме, который ходил по толстой проволоке: её просто надо было перебирать руками. Орель в том месте шириной 70-80 м и глубиной 2-3 м, в общем-то, несудоходная. Зато купаться там – наслаждение! Чистое песчаное дно, чистая светлая вода, густой лес по берегам, кувшинки в заводях и маленькие ужи в камышах, с жёлтым ромбиком на голове...

*На берегу Орели,
Вике 6 лет,
1949 г.*

Сколько лет должно пройти, чтобы забыть это?

И ещё в лагере было одно безумно вкусное лакомство – макуха. Большие черноватые круги, толстые и с дыркой посередине, похожие на жернова. Это подсолнуховый жмых после пресса колхозной маслобойни. Старшие мальчики из первого отряда таскали там мешки с семечками и получали потом на весь лагерь мешок макухи. Попробовала я, уже будучи взрослой, это «лакомство» – ужаснулась. Как это можно было есть? Безвкусно, горчит, и шелуха хрустит на зубах...

Мы и щавель ели горстями на лугу, когда собирали его на борщ для столовой целыми корзинами. Заросли дикого щавеля тоже были нашим спасением, особенно

если с хлебом. Ещё очень вкусными были какие-то высокие бледные цветы: сорвёшь стебель, а в нём сладкий сок, а сам стебель на закуску, кисловатый. Так и не знаю, что это было.

Наверное, с тех пор осталось это во мне. Приезжая в лес, всегда нахожу, чем перекусить, а то и наесться до отвала. Очень сладкая белая морковь со звёздочкой листьев прямо по земле – пастернак. Пахнет черемша – высокая, тоненькая – это дикий чеснок. Он так вкусно хрустит на зубах. В заболоченной низине – заросли ежевики: ноги поцарапаны, руки и губы чёрные – но вкусно-то как! И, главное, хватает на всех, хоть сто человек забредут на этот крутой и мокрый склон. А молодые побеги камыша, тоже кисленькие и хрустящие, только выбирать их надо с умом, самые тоненькие и светлые, а то наткнёшься на жёсткие и горькие.

И ещё родительская поляна – это та, которую выделили нашему отряду в родительский день. Большая, заросшая ромашками, окружённая деревьями и перегороженная полурастёкшимся окопом времён войны. Со дна окопа поднимается огромный вяз с шершавыми зубчатыми листьями. Под его кроной может укрыться и сто человек. Ещё на этой поляне, в сторонке, густо собрались высокие кусты, настоящая непролазная чаща для игры в прятки.

А ещё – гордость именно нашей поляны – сырой и сильно затенённый спуск к болоту. В самом низу заросли ежевики, а повыше – ковёр из ландыша с одуряюще крепким запахом. Из его листьев мы плели венки и юбочки, а те девочки, которые бегают уже не только в трусиках, ещё и ожерелья, спадающие от шеи почти до пояса.

Приезжала к нам обычно мама. Папа не выдерживал 80 км по раздолбанной ухабистой грунтовке в

тряском пыльном грузовике, где кидало и мотало почище, чем на качелях. Мама привозила домашние пирожки или вареники с вишней в коричневой кастрюльке, несколько помидоров. Сейчас я так понимаю, что ничего больше она и не могла привезти – ни конфет, ни пирожных, как другим. Но нас это не расстраивало. Мамины пирожки стоили всех других лакомств.

Нас взвешивали в первый и в последний день. Какая было гордость у обслуживающего персонала, когда оказывалось, что все прибавили в весе – кто полкило, а кто и полтора! Это действительно удивительно – неужели это с тех маленьких ломтиков хлеба, которые мы вечно таскали в карманах и стрызали их то с яблоками, то со щавелем? Но в город возвращались выросшие, посвежевшие и готовые к новым «подвигам».

Со стороны лагеря берег Орели пологий, светлое песчаное дно и мелкая рябь крохотных волн, сверкающих на солнце и глядящих ребячьи ноги в царапинах, цыпках и комариных укусах. Мелькают жемчужные стайки мальков, демонстрирующих синхронное плавание. А противоположный берег высокий, обрывистый, он весь как сыпью покрыт норками ласточек-береговушек. Смотреть на их стремительные виражи – одно из самых сильных тогдашних впечатлений. Да и погоду они предсказывают: когда носятся над самой водой – жди дождя. Они как те рыбки, летают синхронно – и это очень красиво. А дождь что? Сиди безвылазно в большой уютной фанерной комнате на 15 человек, читай или вышивай и болтай с девчонками.

Престижно было перед отъездом домой собрать букет кувшинок. Они водились в излучине Орели,

издали напоминая стайку жёлтых цыплят. Большие и тяжёлые, с плотными шелковистыми лепестками и высокой, похожей на кувшин, розеткой в центре, пахли они не очень привлекательно – сыростью и болотом, – но были так красивы, что глаз не отвести. Сбирать их было нелегко. Если в том месте глубина полтора-два метра, а у тебя рост всего метр двадцать, то больше думаешь о том, чтобы не утонуть. Опытный сборщик потянет цветок особым образом – и наградой ему длинный стебель, да ещё с корешком – вот именно, полтора-два метра. Да ещё при нём второй стебель, с круглым плотным листом-блюдечком, на котором дома и чашку чая поставишь. Это твой приз.

А у неумелого или торопливого сборщика стебель длиной 10-20 см, а то и вообще огрызок, которого почти не видно. Чего позориться с таким! И не выбросишь, жалко. Только засунешь в пол-литровую банку с мокрой тряпкой – и в сумку. Дома всё равно сувенир, а тут никому не покажешь – засмеют.

Зато с какой гордостью удачливые сборщики везли длиннейший букет, свернув стебли кольцом и заботливо упаковав их в мокрые тряпки и кучу газет, а уж потом в авоську. И почему тогда не было пластиковых пакетов?!

Уже давно нет этого села – Старой Михайловки Тельмановского сельсовета. Прорытый канал сделал Орель широкой и судоходной, но затопил все маленькие сёла по её бывшим берегам. Только в памяти она осталась...

11. ПРАСКОВЬЯ ВАСИЛЬЕВНА

Мне повезло с первой учительницей. Прасковья Васильевна Орлова – люблю её и помню всю жизнь.

Когда-то, ещё в первом классе, я очень удивилась, что мама при мне сказала своей подруге:

– У Вики очень хорошая учительница, но она, бедняжка, так уродлива!

Я обиделась на маму. Прасковья Васильевна была самой красивой, самой доброй, самой лучшей на свете! Я сейчас рассматриваю старое фото: очевидно, у неё был ДЦП – левая нога сухая (она сильно хромала), левая рука тоже (чуть ли не в узел скручена), левая половина лица отёчно напознала к носу. Очень маленького роста, очень худая... Разве мы когда-нибудь замечали это?! Мы её просто любили.

Она родилась 7 ноября 1898 года. В селе калека не приспособлена к хозяйству. Её отправили в ближайший монастырь. Умная и способная девочка после двухклассной церковно-приходской школы была направлена в уездную гимназию. Вот откуда и прекрасный почерк, и знание языков, хорошее образование по всем предметам, о которых мы вообще ничего не знали, и рукоделие, которому она нас учила. И стихи сочиняла – они нам казались лучше тех, которые мы читали в книжках.

В один из праздников мы увидели нашу учительницу при полном параде: белоснежная блузка, строгий чёрный костюм и... орден Ленина на лацкане пиджака!

...К началу войны сельской учительнице Прасковье Васильевне Орловой было уже 43 года. Хромая горбатая побирушка с клюкой и в тряпье неутомимо ковыляла десятки километров между сёлами и базой партизанского отряда. Связная Орлова все три года оккупации Украины «проработала» нищенкой. Хорошая это была работа: автомобили

взлетали в воздух, поезда сходили с рельсов, арестованные подпольщики освобождались летучим партизанским отрядом, – и никто из фашистов не заподозрил несчастную калеку, отлично знавшую немецкий язык, остроглазую и обладавшую прочной памятью. Конечно, она ничего не записывала, а по памяти безошибочно называла и номера частей, и число солдат в них, и марки, и количество вооружения, и номера вагонов, которые затем взрывались. Её очень ценили в объединении партизанских отрядов.

Но об этом я узнала позже.

К школе я уже много читала, букварь мне был неинтересен. Чтобы я не разленилась, мне всегда выдавалось другое задание. Это выглядело примерно так:

- Вика, ты вчера что читала?
- «Козетту» перечитывала.
- Опять?! Кто автор, помнишь?
- Да. ВИктор Гюго.

– Не ВИктор, а ВИктор. Он француз. Значит, сегодня пишешь изложение. Подробно, но своими словами. Понятно? И пыхти, как хочешь, заменяй слова, но чтобы всё было связано, и не досочиняй своё, даже если очень хочется.

Нас в классе было трое таких, которым нельзя было дать разлениваться и потерять интерес к учёбе. Но что касается чистописания, хуже меня в классе, кажется, никого не было. Корявые каракули – за почерком до школы, естественно, никто не следил, обилие клякс от торопливости. Всё первое полугодие по чистописанию двойки, а то и единицы. Так что, когда меня хвалят за хороший почерк, легко читаемый, я обычно отвечаю:

– Хвалите лучше мою первую учительницу. Это у неё хватило терпения выработать у всех нас, сорока

четырёх девчонок нашего класса, такие почерки. Я ведь пишу почерком самой Прасковьи Васильевны!

Своего ключа от квартиры у меня не было – кто бы доверил ключ первокласснице, а бабушки рядом не было. Меня оставляли в школе, пока мама не возвращалась с работы, уже забрав Аню из садика. Прасковья Васильевна проверяла тетради и готовилась к завтрашним урокам, а я за своей партой делала домашнее задание, а потом читала или вышивала. Мне нравились эти тихие часы в школе.

В третьем классе моя учительница нашла мне дополнительное занятие: проверять тетради по русскому и украинскому, пока сама проверяет арифметику. Красного карандаша мне не полагалось, я отмечала ошибки простым карандашом, а потом она контролировала мою работу. Потом она увидела, что ничего не пропущено и всё старательно отмечено, и мне был вручён красный карандаш. Девочкам было решено ничего не говорить, чтобы не обиделись или не просили незаметно исправлять ошибки. А я была ужасно дисциплинированной, сейчас даже странно. Так никто из одноклассниц ничего и не узнал. Кстати, дома тоже ничего не знали.

А вечером мама отводила меня в музыкальную школу. Вот ЭТО было наказание! – мне совсем туда не хотелось. Мои родители просто выместили на мне свои детские мечты. Оба любили музыку, но никогда ей не учились. Лучше бы сестрёнку отдали туда, но тогда никто не знал, что у неё абсолютный слух и настоящий талант. Уже в 16 лет, когда у нас в доме появилось пианино, она просто села на круглый вращающийся стул и стала играть! Не зная ни единой ноты! Никогда не учившись! И как она играла...

А меня сначала отдали в класс аккордеона.

Учителем был «свободный художник» Аркадий Смолкер – виртуоз и гениальный музыкант, но очень уж свободный. Хотел – приходил на занятия, не хотел – не приходил. Иногда исчезал на 2-3 недели. Потом исчез окончательно.

*Вика на выступлении,
9 октября 1950 г.*

А тут вышел приказ Сталина: аккордеон был объявлен вражеским инструментом и запрещён в музыкальных школах и училищах.

Директор школы Варвара Пименовна Замчий сказала маме:

– Давайте переведём вашу девочку на фортепиано.

– У нас дома негде ставить инструмент, – возразила мама. – Да и за какие деньги купить? И за учёбу платить втрое дороже.

– Тогда ещё выход – народные инструменты, – предложила директор, сама преподававшая на этом отделении. – Хотите балалайку?

– Нет! – почему-то испугалась мама.

– Тогда домру, больше ничего предложить не могу. Можно было бы флейту, для девочки это неплохо, но учителя у нас пока нет, только на будущий год обещают.

– Давайте домру, – вздохнула мама. – Только её ещё купить надо.

– Нет-нет, – заторопилась директор, – я вам на это полугодие выделю школьный инструмент, а летом купите свой.

Домру я ещё больше не любила, пока водянки на подушечках пальцев, которые страшно болели, лопались и кровоточили, не превратились в толстые непробиваемые мозоли. Я ими пользовалась вместо напёрстка. Только тогда я стала получать удовольствие от игры на домре.

Играть полагалось только по нотам, подборка на слух строго запрещалась, но мы с девочками, конечно, все запреты обходили. Не искать же, в самом деле, ноты песни из нового фильма, тем более трофейного! Сто лет пройдёт, пока где-нибудь напечатают! А любимые неаполитанские песни, от которых внутри всё тает и дрожит!

Маме сказали, что по воскресеньям в городском Дворце пионеров репетирует оркестр народных инструментов. Она отвела меня туда, и я застряла там на десять лет – столько новых друзей и новых впечатлений! И гастролы по всем клубам и Дворцам культуры – и отдельно оркестром, и в составе ансамбля песни и пляски, в который входил наш оркестр, квартет баянистов, хор и большой танцевальный коллектив. Мы уже выступали по всей области и нас даже записали на телевидении. Это было в 1956 году.

А в 1954-м, когда мы перешли в пятый класс, женские и мужские школы соединили. Мы теряли опору – нашу единственную, любимую Прасковью Васильевну. Теперь надо было приспособливаться к множеству других учителей, да ещё к непривычным мальчишкам, нахальным и шумным. Я их вначале вообще не воспринимала – все на одно лицо и все ужасно громкие.

Выпускной 5-А, 1955 г.

*В центре слева направо – директор школы Лосева,
Прасковья Васильевна Орлова,
Евгения Ивановна Турчанинова*

Ещё в конце четвёртого класса Прасковья Васильевна нас предупредила:

– Девочки, вам придётся нелегко. Просто будьте внимательны и аккуратны. В конце концов, мальчики – это не смертельно, привыкнете. Но вот что ещё я должна сказать: я потребовала для вашего класса самого лучшего учителя математики, Евгению Ивановну Турчанинову. Вы будете плакать и рыдать, ругаться и проклипать всё на свете, но математику вы знать будете. Так что готовьтесь.

Очень высокая, ширококостная, но несколько костистая математичка произвела на нас впечатление,

сходное со встречей с пантерой. За глаза её так и прозвали, и ехидничали втихомолку:

Кто там лестницей крадётся
На высоких каблуках?
Это Чёрная Пантера
С папиросою в зубах!

Курила Евгеша нещадно, прикуривая следующую папиросу от предыдущей. Не на уроке, разумеется, но табачищем от неё разило за километр. А однажды я узнала про неё что-то новенькое.

Моя мама шла по школьному коридору на очередное родительское собрание и столкнулась с математической нос к носу.

– Раечка! – растерянно сказала Евгеша. – А ты что тут делаешь?

– На собрание иду, Евгения Ивановна, – привычно вытягиваясь в струнку, ответила мама. – Дочка у меня тут учится.

– А-а, Вика, значит! – обрадовано воскликнула Евгеша. – То-то я смотрю, кого она мне напоминает! Ну, вся в тебя!

Оказывается, вот отчего мама отличный математик и «экономист от Бога», как её называют на работе. Она училась в школе №19 на Плехановской, и теперь понятно, у кого училась. Прасковья Васильевна оказалась права: не знать математику с таким учителем не удалось никому, даже явно неспособным.

Я благодарна им обеим всю жизнь.

... Прасковьи Васильевны не стало 3 марта 1978 года. Она не дожила полгода до 80-летия.

Четвёртый класс я окончила с похвальной грамотой. Мне выделили путёвку в Артек, как круглой отличнице и активной общественнице. Так было

сказано в той бумаге, что мама показала нам дома. Описывать свою и общесемейную радость я не буду – она длилась ровно один вечер. Наутро мама с этой бумагой пошла в обком профсоюзов, где ей объяснили, что выделенную путёвку нужно выкупить в течение недели и стоит это 1000 рублей. И ещё вот отпечатанный список, что надо купить ребёнку с собой.

Мама пришла домой совсем убитая. Тысяча рублей – сумма такая же нереальная, как миллион. Да список тянул рублей на двести. По сути, это весь бюджет семьи на целый месяц... В Артек я не поехала, лето провела не хуже – в своём пионерлагере, со своими подружками. Но что-то непонятное долго саднило.

В шестом классе я с ужасом обнаружила, что младшая хозяйка нашей квартиры будет преподавать у нас в классе историю. Ох, и оторвалась же она на мне! Тройка по истории была мне обеспечена при любом раскладе – знала я на тройку или на пятёрку. Весь класс знал причину, втихомолку не любили историчку (это было нетрудно, она вообще откровенно не любила детей), втихомолку жалели меня. По остальным предметам у меня были 4 и 5.

Это закончилось неожиданно, уже под конец учебного года. Она подняла меня отвечать «с места», выслушала ответ и тут же что-то зло сказала о моих родителях. У меня в глазах потемнело, и я очнулась в тот момент, когда чернильница-невыливайка уже летела в голову учительницы. Она успела отклониться, но чернильница звонко разлетелась о доску, и всё платье было залито чернилами, и лицо забрызгано.

Класс охнул и затих. Историчка взвизгнула и выбежала из класса. Меня вызвали к директору. Нашу директора школы, химичку Лосеву (имя, к сожалению, не помню, ей тогда было около 60 лет) мы все уважали

и любили – и учителя, и ученики, и родители. Она никогда не кричала, была спокойной и справедливой. Она вроде даже удивилась:

– Не понимаю, ты такая прилежная ученица... Что-то случилось?

Я ей доверяла. Рассказала всё-всё, что знала, с самого начала. И про мамин сердечный приступ после очередной стычки с соседкой, и про их постоянные придирки и склоки. Она долго молчала, потом вздохнула:

– Ладно, иди в класс. Родителей в школу не надо.

Уже была переменка. Кабинетной системы в нашей небольшой школе не было. Наши все сидели в классе, взрослых не было. Кто-то из мальчиков, кажется, Боря Шапиро, сказал:

– Витка, ты была такая зелёная, аж страшно!

Я чувствовала себя смертельно уставшей.

– Ничего не помню, как будто сознание потеряла. Но родителей в школу не вызвали, наверное, обойдётся.

До конца учебного года по истории меня больше не вызывали, а в таблице за четверть и за год стояли четвёрки. В седьмом классе у нас был другой учитель истории.

Кстати, у меня это был уже второй случай. Первый раз я «потеряла сознание» и позеленела, когда мне было 10 лет. Это было в пионерлагере. Один мальчик, года на 2-3 старше меня и крупнее раза в полтора, обозвал меня «жидовкой пархатой». Когда туман разошёлся перед моими глазами, он лежал на земле, а я сидела на нём верхом и, схватив за уши, била его затылком об землю. Вокруг молча толпились ребята. Как мне это удалось – не представляю, ведь я была намного слабее его. Подбежали взрослые, меня

оттащили от лежащего, и нас обоих повели в медпункт. Мне дали что-то выпить.

Что с этим мальчишкой было дальше, не помню, но за драку меня не наказали. И сейчас, когда резко падают давление и гемоглобин (остатки детской анемии), я бледнею до светло-зелёного цвета. В глазах темно, и я ничего не осознаю.

12. ВСЁ НОВОЕ

Летом 1956 года умер папин дядя, который с женой жил через два двора от нас. Ему было 94 года, его жене 91. После ухода мужа она стала заговариваться, всё забывать и всё терять. Иногда она по два дня забывала поесть. Тогда мама стала по утрам вставать не в пять, а на полчаса раньше, варила большую порцию манной каши и шла кормить старушку. Потом возвращалась домой, занималась своей семьёй и бежала на работу. После работы, покормив нас, она опять варила кашу и шла кормить тётю. Так прошло больше полугода. Мама уже не выдерживала, несмотря на свою выносливость. Тогда родители решили, что надо съехаться с тётей, а не пахать на две квартиры. Но сделать это было нелегко: основные квартиросъёмщики отлавливали тех, кто приходил смотреть нашу комнату и говорили про нас всякие гадости.

Но нашлась семья, которой позарез надо было разъехаться. Семья была большая: мать с отцом, двое сыновей, старший из которых был женат и имел грудного ребёнка. Отец и оба сына пили, ругались, дрались друг с другом, с жёнами. Доходило до поножовщины. Было решено: мать с отцом и младшим сыном шли в нашу 8-метровую комнату, а старший с женой и ребёнком – в тётину 10-метровую с мебелью.

А мы в июне 1957-го переехали в их огромную, 27-метровую, запущенную и неухоженную комнату, возле ул. Баррикадной. Это тоже была коммуналка на две семьи. Клопы и тараканы компаниями гуляли по всем стенам, выглядывали из устрашающих трещин, а с потолка в небольшую чердачную дырку с любопытством таращилась довольно крупная мышь. Ещё в комнате была полуразваленная угольная печка.

Всё это нужно было приводить в порядок, чем мы дружно и занялись. Печник заново переложил печь, папа выписал на работе толстенную чугунную плиту с отверстиями для конфорок. Фишка была в том, что, будучи хорошо прогретой, плита потом очень долго отдавала тепло.

Месяц мыли, чистили, травили нечисть, заделывали щели, красили – жили, как на биваке. Но зато комнату было не узнать. В ней уже можно было принимать гостей – роскошь, прежде недоступная. Соседями была симпатичная пожилая пара, очень милые и доброжелательные Илья Наумович Картун и его жена Малка Абрамовна, которую весь двор величал Марией Абрамовной. Мы вздохнули свободно, и они вздохнули свободно. Мы подружились и это было так непривычно и здорово!

За тётей нужно было ухаживать. Мы с Аней уже были подростками: ей 12, мне 14. Правда, она была крупнее и сильнее меня. С уходом мы справлялись вдвоём: тётю кормили с ложечки (если давали ложку ей в руки, она вертела её, рассматривала, но не знала, что с ней надо делать), купали, переодевали, причёсывали – она только приговаривала тоненьким детским голоском: спасибо, детки! – не узнавая нас и не зная по именам. Может быть, принимала нас за своих детей, которые давно жили в Москве, к ней не

приезжали, и даже не были на похоронах своего отца.

Иногда она тихонько что-то пела на идиш, остальное время молча сидела на своей никелированной кровати с блестящими шариками на спинках и смотрела в одну точку.

Так прошло три месяца. В сентябре она начала сильно мёрзнуть. Мы стали топить печку, хотя это было ещё рано. Тётя всё время жалась к ней, сидела в кресле, закутанная поверх тёплой одежды в ватное одеяло. Она улыбалась. Так и угасла – тихо и незаметно, молча. Какие мысли вертелись у неё в голове? Она ведь совсем ничего не говорила. Взяла как-то мою старенькую, ещё с Урала куклу, завернула её в синий шерстяной платок и укачивала её на руках...

Сколько раз мама писала её детям в Москву: сначала просила забрать мать к себе (мы тогда ещё не съехались), потом просила хотя бы проведать её – ответа не было. Но зато, когда папа дал телеграмму о её смерти, приехали и сын, и дочь. После похорон они стали выяснять, какие вещи принадлежат матери. Мы отдали им оба её чемодана с одеждой, какими-то сувенирами и старинными статуэтками. Эти чемоданы так и стояли под её кроватью, мы их после переезда так и не распаковывали – куда было девать это барахло?

Не сказав даже спасибо за всё, что мои родители сделали для их матери, они уехали уже на следующий день. После их отъезда во время уборки под тётиной кроватью, в самом углу, мы обнаружили забытую настольную лампу под зелёным матовым абажуром, похожим на шляпку гриба.

– Напиши в Москву, пусть забирают, – довольно резко сказала мама. – А то ещё решат, что мы специально оставили её себе.

Папа отказался:

– Пусть останется нам на память, обойдутся. Ценности она не представляет, а ездить за ней одной – себе дороже.

С тех пор много лет эта лампа освещала наш большой письменный стол с зелёным сукном того же оттенка, что и абажур.

Летом 1957-го, сразу после переезда, я поступала в музучилище. Мне хотелось быть учительницей музыки – хоть в школе, хоть в каком-нибудь клубе. К тому времени я уже была вся в музыке, ходила на все симфонические концерты в филармонии и на все оперы гастролёров. Но после первого же экзамена мне сказали идти в приёмную комиссию и забрать документы. В 14 лет это даже не драма, а трагедия. Я играла свои любимые произведения и, кажется, хорошо играла. Почему им не понравилось?

Ответ на этот вопрос я получила на следующий год, когда снова поступала туда же. Целый год усиленно готовилась, руководитель нашего оркестра во Дворце пионеров Николай Остапович Чуб со мной ещё занимался отдельно. Мне даже говорили, что становлюсь виртуозом – наверное, хотели сделать приятное. И опять после экзамена сказали подождать в коридоре, и вышла дама из экзаменационной комиссии и несколько скованно подошла ко мне.

– Я тебя помню по прошлому году, – сказала она. – Ты ещё лучше стала играть. Но мой совет – иди забери документы. Ты не прошла конкурс, но твоей вины здесь нет. – Она увидела мои глаза, а я её уже не видела, слёзы мешали. – Скажи это своим родителям, они поймут.

Дома я, заплаканная и потерянная, передала этот разговор.

– Понятно, – вздохнула мама. – Нормативные три

процента они набрали среди своих. Твоей вины здесь действительно нет.

– Оберлендер в своём амплуа, – добавил папа. – Он знает, что если примет хоть одного лишнего еврея, не быть ему больше директором училища. А кто же захочет терять такое хлебное место?

Сменили квартиру, пришлось менять и школу. Моя старая школа №38, в дореволюционном здании гимназии, была небольшая, двухэтажная и уютная, с тенистым двором и скамьями под деревьями. Новая школа № 100 мне казалась огромной – четыре этажа, просторные коридоры, большой двор со стадионом и живым уголком (в вольерах и бобры с маленькой искусственной речкой и плотиной, и лисички, и даже медвежонок), кабинеты с современным оборудованием.

Спасла меня Клара Богуславская, смешливая девочка в очках. Она пригласила меня за свою парту, и очень хорошо, что это была первая парта прямо перед учительским столом. Я даже видела то, что писалось на доске, но при этом, дурочка, даже не догадывалась, что это не нормально, это близорукость, что писать в тетради, чуть не вода носом по странице – это тоже ненормально. Много позже, в девятом классе, надела очки, и мы с Кларой уже были обе очкариками. Клара, добрая и отзывчивая, была в классе со всеми в хороших отношениях, а дружила с Тамарой Мельц. В их компании я стала третьей на много лет.

Постепенно всё стало не таким страшным. Появился даже авторитет на шкурном уровне: «не парься, Витка даст списать, у неё уроки всегда сделаны». Это сейчас называется «синдром отличника» – если что-то знаю, утаивать не буду. Эти откровенность и доверчивость мне потом дорого обошлись.

13. НОВИКОВ

Неожиданно меня заинтересовали уроки черчения. В старой школе этот предмет по совместительству вел учитель рисования. Из его уроков, собственно, мы так и не поняли, зачем этот странный «предмет» нужен. А в восьмом классе мы попали в руки настоящего специалиста. Дмитрий Михайлович Новиков на первом же уроке объявил:

– С сегодняшнего дня мой предмет для вас будет главным. Черчение – это азбука техники, а сейчас технический век. Запишите список того, что обязательно должно быть с собой у каждого на уроке. Отсутствие хотя бы одного предмета из списка – «двойка», вне зависимости от знаний. Если раньше на уроках черчения вы тайком делали физику, то теперь будет наоборот.

Он оказался прав! Наш замечательный учитель, в которого тайком была влюблена добрая половина старшеклассниц, всегда был прав. Когда его двухметровая фигура появлялась в школьном коридоре, девочки подтягивались и становились настоящими леди! Чёрная шевелюра парила на голову выше всех нас, а случайно сверкнувшая улыбка из-под чёрных усов буквально вводила девочек в транс. Он был очень добрым, но только не на уроке. Мне он ставил «двойки» за не горизонтальную чёрточку в ГОСТовской букве «е», хотя в остальном (устно) оценивал чертёж на «пятерку».

Задания домой давал такие интересные, что вначале делала их, а потом остальные уроки. Мои родители сразу оценили этот интерес, и папа всячески подогревал его. Так у меня появилась книга «Занимательное

черчение» в дополнение к любимой «Живой математике» Перельмана и «Ста задачам» Штейнгауза.

Наш Новиков ещё преподавал в шестых классах немецкий язык, а для желающих (факультативно) – испанский. Когда мы были в 9 классе, он стал учиться английскому, и на экзамене у нас в 10 классе был в экзаменационной комиссии и чувствовал себя свободно: переговаривался по-английски с другими членами комиссии и задавал вопросы нам. Наша «англичанка» Клавдия Григорьевна Полуэктова уверяла нас, что произношение у Дмитрия Михайловича такое, будто он всю жизнь провёл в Англии. Уникальный человек!

Оказалось (мы это случайно узнали), что он воевал в Испании, и там его принимали за испанца, а в Отечественную – в тылу врага, и его принимали за немца.

Тогда же, в 9 классе, мы с огорчением узнали, что опоздали родиться ровно на год. Новиков с 10-классниками ставил в школьном драмкружке «Женитьбу» Гоголя, а нас не брали! Ребята говорили, что как режиссёр он их замучил. Репетировали ежедневно после уроков по 3-4 часа, и это в выпускном классе! Сами рисовали декорации, костюмы взяли на время в городском Русском драматическом театре. Спектакль получился на профессиональном уровне – так на премьере сказал приглашённый в школу преподаватель городского театрального училища. Он сразу же выбрал нескольких ребят, посоветовав им поступать.

Спектакль прошёл по всему городу – в школах, клубах, Дворцах культуры. Его записали на телевидении. Мы просто заболели театром. Ходили за Новиковым по пятам и ныли, но он жёстко отказал:

– Второй раз я за эту каторжную работу не возьмусь. Хватит с меня. Жена и сын скоро узнавать перестанут.

Мы выторговали у старшей пионервожатой, чтобы в порядке шефской помощи нам прислали кого-нибудь руководить драмкружком. Пришли две хорошенькие нарядные девушки из театрального училища. Собрав желающих, прочли какой-то водевиль Солоухина, очень смешной. Мы готовы были серьёзно работать. Распределили роли (мне досталась роль матери одной из невест), прошли две репетиции – и девушки исчезли. Навсегда. Так нам и не удалось попробовать себя на сцене.

Но в 10 классе на нас навалилась новая напасть. Несколько наших мальчиков ещё после 8 класса ушли в ПТУ, две девочки в 9-м уехали из города с родителями. В классе осталось 18 человек. Нам это нравилось, учителям тоже – в небольшой группе и им было легче. Но тут перед нами выступил директор школы и заявил:

– Ваш класс придётся расформировать. Вы стали нерентабельны.

И, несмотря на возмущение родителей и наши протесты, 10-А располовинили между 10-Б и 10-В. Класс «В» стал классом «А», но нам не стало от этого легче. Нас 9 человек, а их 28, и хотя мы с ними знакомы, но это знакомство коридорное, на переменах. В шуме и гаме полужнакомого класса стало трудно учиться, и успеваемость у нас резко снизилась. А ведь это выпускной класс!

14. ВЕЧЕР ДРУЖБЫ

Как ни странно, напряжённость сняла наша «англичанка» Клавдия Григорьевна. Очень колоритная личность! Очень крупная и полная, одевалась она предельно ярко и даже немного эпатажно – для конца 50-х годов, когда нам даже запрещалось ходить в непрозрачных фильдеперсовых чулках, а только в простых, это было странно. Весёлая хохмачка средних лет, шумная и стремительная. Кто-то про неё сказал: атомная бомба в зелёном, причём её ярко-зелёное платье в любой толпе видно было за квартал. Энергии у неё действительно было как у атомной бомбы. Ученики над ней подшучивали, но беззлобно. Она не обижалась, первая хохотала, если это было на самом деле остроумно, и весело пикировалась – ещё более остроумно. По-моему, она любила всех, и все её любили.

На уроках английского шумели, хохмили, иногда вроде бы даже срывали уроки, но уже в 10 классе с удивлением поняли, что срываем-то их по-английски! Даже особым шиком было на переменке трепаться друг с другом по-английски, чтобы вокруг не поняли, и анекдоты травили тоже по-английски. Перехитрила нас Клавдия Григорьевна (за глаза «Клавочка», а не какая-нибудь кличка)! Заставила выучить язык, а мы и не заметили.

Напряжённость учёбы была видна не только нам, но и учителям. Классы стали неуправляемы. Все были «на нервах», только Клавочке всё было нипочем – так нам казалось. Но выход она нашла гениальный. На одном из уроков она с места в карьер, ещё не дойдя от двери до учительского стола, заявила:

– Сегодня домашнее задание не проверяю и новый материал не даю. Разберём одну идею.

Сев за стол и демонстративно отодвинув классный журнал на уголок его, она «выдала» нам свою идею: провести общешкольный вечер интернациональной дружбы. Участие примут все старшие классы. Если захотим, пригласим восьмиклассников, которые учат немецкий язык. Составим программу, и чтобы ни слова по-русски! Стихи, песни, сценки, анекдоты – всё на английском.

Посыпались вопросы:

– А где брать песни?

– А какие сценки?

– А стихи из программы или любые?

Учительница кивала и записывала все вопросы. Потом стала отвечать по порядку:

– Три-четыре пластинки с английскими и американскими песнями я принесу вместе с проигрывателем. Послушаете, выберете, выучите. Несколько наших песен мне обещали перевести на английский наши бывшие ребята – с иняза университета. Там же в библиотеке они подберут для вас Уитмена, Бёрнса и ещё кого-нибудь. Теперь драматургия. Можно взять сценки из пьес Шекспира. Ну, посмотрим, выберем. Так. Ещё: пригласим студентов-иностранцев, есть такие и в ДГУ, и в Мединституте. И, конечно, моего Андрюшу. Не возражаете?

– Не-ет!!! – в восторге заорали мы хором. Мы знали, что любимый ученик нашей Клавоочки Андрес Варра, мальчик, когда-то вывезенный из воюющей Испании, учится в музучилище на вокальном отделении и замечательно поёт. Нашу школу он закончил три года назад.

Три месяца мы готовили этот вечер. Подготовка, как эпидемия, захватила старшие классы. Кроме программы концерта, выбирали музыку для танцев, делали подарки для гостей, украшали актальный зал и спортзал, превращённый в танцзал. И репетировали, репетировали, репетировали...

Даже пугающие поначалу экзамены на аттестат зрелости, которые неумолимо приближались, уже не казались такими страшными.

Программа вечера получилась обширной. Только сам концерт занял три часа и его пришлось делить пополам. В антракте были танцы и свободное общение с гостями. Они вначале были немного скованы, но быстро освоились и оказались замечательными ребятами.

Фридрих с юрфака ДГУ читал стихи на немецком, лиричные и звучавшие неожиданно мягко. Андрес пел удивительные испанские песни. Китайка Шу-Чжень, которую её друзья-медики называли Шурочкой, написала по-китайски и по-русски несколько приятных слов в подаренной мне книге.

– Большое спасибо, Шу-Чжень, – сказала я.

– Меня тут Шурой называют, – удивилась она.

– Не люблю переводить имена, – покачала я головой. – Вам же самой приятнее слышать своё имя, а не созвучное, но чужое!

– Да! – ей действительно было приятно, этой милой ясноглазой и миниатюрной медичке, с чудесной открытой улыбкой.

В общем, праздник, начавшийся в воскресный полдень, закончился только поздно вечером.

За всеми этими хлопотами нельзя было забывать и о приближающихся экзаменах. Новиков ещё придумал нам дополнительные занятия: отобрал из нашего

класса 6 человек и из класса «Б» столько же, велел купить учебники по черчению для техникума и за год прошёл с нами весь курс. Из девочек нашего класса в эту группу попали и мы с Кларой. Да ещё копировка: он нам выдавал кальку, сам точил рейсфедеры из наших готовален и придирчиво оценивал работы. К концу года я уже «набила руку» и не боялась работать тушью, как вначале.

Учительница по литературе Эльза Владимировна запомнилась очень ярко и солнечно. Она не «проходила» с нами литературу, а приобщала нас к ней. Каждый её урок был увлекательным спектаклем, в котором и мы все принимали участие. Это была красивая статная женщина с копной рыжеватых кудрей, которые она пыталась уложить в строгую причёску, но они сопротивлялись. Большие карие глаза всегда сияли, я не помню их тусклыми или невыразительными. Она жила литературой (не удивлюсь, если она писала стихи) и преподносила нам её с истинным вдохновением, нестандартно.

Эльза Владимировна ценила, если мы читали не отрывки из произведений по хрестоматии, а книги полностью. И любила, когда в наших сочинениях были не списанные из учебника цитаты критиков, а собственные мысли. Это сходилось и с моим отношением к книгам, и к сочинениям.

– Куда бы вы не поступали, – предупреждала она, – в первую очередь вас ждёт сочинение. Именно от него будет зависеть, будете ли вы сдавать остальные экзамены. Поэтому так важно написать его хотя бы на «четвёрку».

Это меня не беспокоило. Меньше «пятёрки» она мне никогда не ставила.

Но вот и экзамены позади. И выпускной вечер, и красивое белое платье – его сшила мама Клары. Отрезы на оба наши платья – белоснежный капрон с узкой матовой полоской, которого в Днепропетровске ещё и не видели, привезли из Риги. Платья она сшила одинаковые, а смотрелись они на нас по-разному: Клара среднего роста с уже взрослой фигурой, а я – длинный худющий подросток. Но мастерица сделала так, что и я выглядела красиво.

И уже позади розовый рассвет над широким Днестром, и над водой стелется лёгкая полупрозрачная дымка, а противоположный берег в тумане...

И у нас начинается взрослая жизнь.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
Случай в командировке	4
Впервые на Кавказе	9
Про моих друзей	21
Тётя Лея из Львова	44
Как из меня не получился шофёр	47
Полвека назад	52
Моя однокурсница	64
Пора студенческая	73
История одной фотографии	83
Прошлыми дорогами	87
Записано на облаках (Эссе)	94